

Синельный

СМЕНА

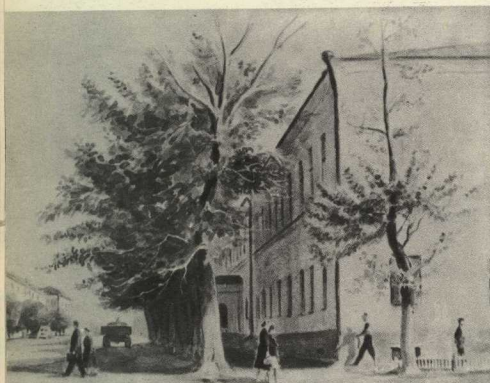
8

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

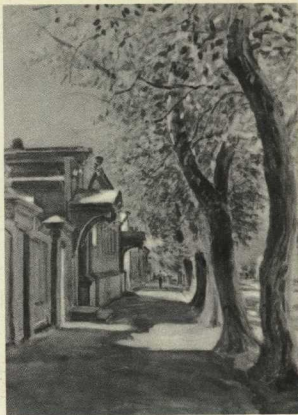
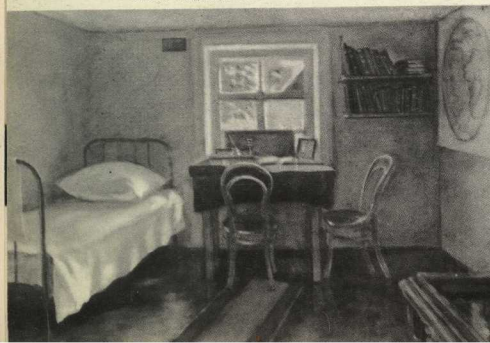

Ульяновск. Площадь имени В. И. Ленина.

Здание бывшей Симбирской гимназии, где учился В. И. Ленин.

Комната Владимира Ульянова, гимназиста.

Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.

РОДИНА ВОЖДЯ

Есть в нашей стране особые, заветные места, к которым тянутся сердца и мысли миллионов людей. Это ленинские места.

Побывать в Ульяновске, на родине Владимира Ильича, мечтает каждый, кому дорого все, что связано с именем великого вождя, организатора Коммунистической партии, создателя первого в мире социалистического государства. Ленин всю свою жизнь отдал борьбе за претворение в жизнь мечты человечества — коммунизма. Его бессмертные идеи стали нашим знаменем, вдохновляют нас на труд и на подвиги.

В Ульяновск едут со всех уголков Советского Союза, едут из ближних и дальних государств. Бесконечен этот людской поток, как безгранична народная любовь к Ильичу.

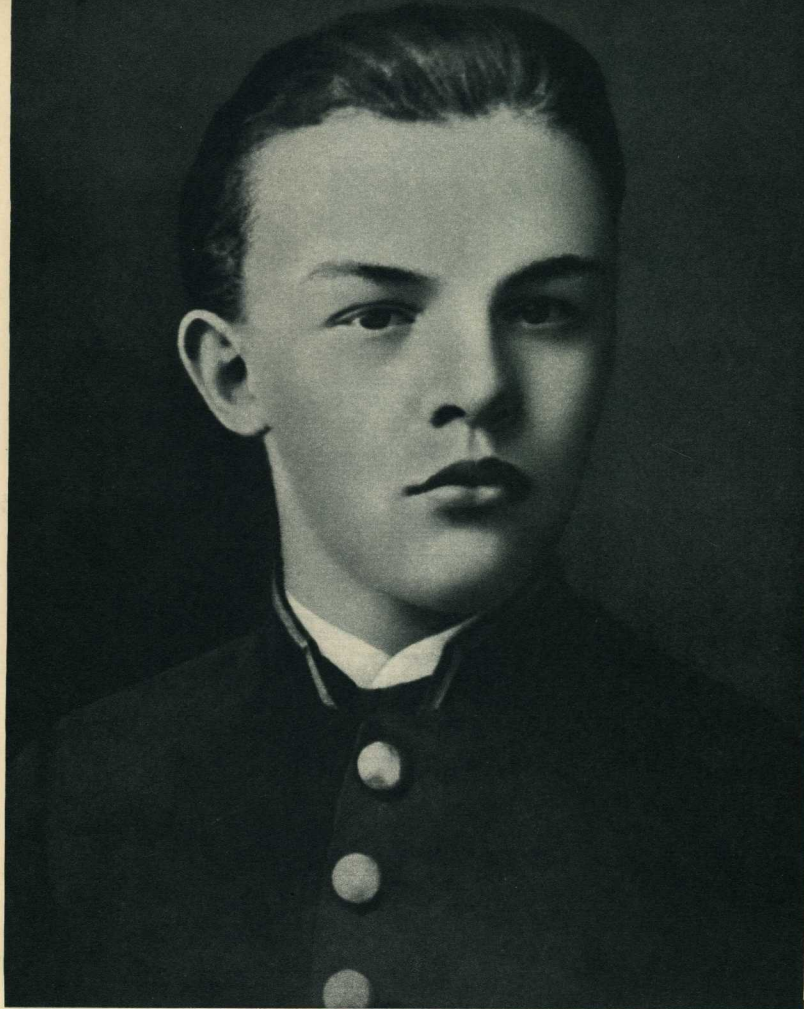
Многочисленные записи, сделанные посетителями Дома-музея В. И. Ленина, составляют пятнадцать объемистых томов. В них выражены самые искренние, самые горячие чувства на русском, украинском, китайском, французском, английском и других языках народов мира.

Мемориальный музей находится в доме, где восемь с половиной лет прожила семья Ульяновых. Из этого дома через высокую калитку, над которой простирают зеленые ветви старые тополя, уходил Володя Ульянов в гимназию. В здании гимназии теперь помещается Первая мужская средняя школа имени Ленина. В одной из ее классовых комнат до сих пор стоит партя, за которой когда-то сидел Владимир Ульянов. В актовом зале, по установленной традиции, ежегодно отмечается день рождения Ленина. Лучших школьников принимают в этот день в комсомоль и в пионерскую организацию.

Все в Ульяновске связано с именем Ленина. В городском театре он смотрел спектакли, в бывшей Нарымзинской библиотеке — теперь Дворце книги — брал литературу, над Волгой любил гулять по вечерам. Над самой Волгой на гранитном пьедестале стоит величественный памятник Ильичу. Лицо Ленина, освещенное яркими солнечными лучами, обращено к городу, где в заводских цехах, на стройках новых зданий, в институтах и школах — всюду кипит жизнь, в которой воплотились бессмертные идеи Ленина.

Отсюда, с Ветца, открывается широкий вид на Волгу.

Владимир Ильич ЛЕНИН
(1887 год).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Апрель. № 8. 1954 год.

Год
издания
31-й

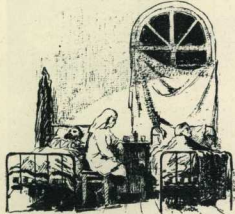
ЛЕНИНСКИЙ ПОДАРОК

На яге,
В лодке предгорья,
Где в марте отцвеш цветок,
У самого синего моря
Веселый стоит городок.
Всплывает в нем зелень густая.
И мнится,
Коль с моря взглянуть,
Что там голубиная сталь
Присела в пути отдохнуть.
Вот, кажется, город зовыется
И улетит далеко...
В нем сердце спокойнее бьется
И дышится людям легко.

Утрам по улице тихой,
По тропке — вперед да вперед,
Чуть горбясь, седая ткачиха
На берег песчаный идет.
Не надо искать знаменитый:
Все жизнь, что в труде прожита,
Она из томсенских иней
Волящую дорогу ткала.
Трудилась,
Теперь отдыхает.
Ничто здесь ее не томит.
Она свою жизнь вспоминает,
А Черное море шумит.

В те дни,
Когда по снежным падам
Под Нарву шел за строем строй,
В настороженном Петрограде
Саживаа Надя медсестрой.

Бойцу привычно не бояться,
Смерть у него одна, а ей
В ту пору доведется сражаться
Со множеством чужих смертей.
Она была храбра, но в стуже
Неотопляемых палат
Боялась Надя встретить мужа
Средь умирающих солдат.
И все ждала о мире слова

Так страстно, как солдати жгут...
День проходил второй — и слова
К подъезду раненых везут...
Опять сестра бежит к воротам
По лестнице особняка.
Нивстречу Наде быстрый кто-то:
«Носилки не нужны пока...»
Порывист,
В жестах откровенен,
Стоянувший с ней лицом к лицу,
Стремительно поднялся Ленин
По госпитальному крыльцу.

На многих равные халаты.
Бинты замотаны видны...
Ильич осматривала пластыи
И повторяла:
«Бедны, бедны!»
То добрый,
То сурово резкий.
Вступая в темноту палат,
Он видел чистыми до блеска
В то время
Лишь гавза солдат.
Они, подстриженные горем,
Светлеели перед Ильичем:
«Товарищ Ленин, мы вот спорим...»
Ильич подавал:
«И о чем?»
Стрелка книг, смуглоолицый,
С повязанною головою:
«Мы спорим... Надо лэ замириться
С буржуазией мировой!»
Ильич молчал
И только взглядом
Спросил: и вывод, мол, каков?
«Вот старики твердят, что надо.»
«Вот, вот...»

И я — за стариков...
Когда за власть буржуи ссорятся,
Война народу не с руки...
Нет, нет! И пусть не хорохорятся
То-о-варищи меньшевистки!
Мир, мир!
И только мир!
При этом
Они, вглядываясь в полулуну,
Все шурились, как бы от света,
Который виделся ему.

Когда в глаза ему смотрели
Люддей голодных сотни глаз,
Он видел, как они топсали
От гордой мысли, что у нас
Все будет...
Нужно лишь терпенье
У этой медсестры тогда
Забывался страхи и сомнения,
Забывался горе и нужда.

О многом
В этот миг забывал.
Почти никто не усаыхла,
Как в ленинском автомобиле
Мотор голодный зачихал.
Ильич устал, всегда солдати
Глядели.
Вспомнили они:
«На нас заплатки и заплатки...»
«Да что ж вы!»
«Нады, догони...»
«Ты смеялся. Проси не пищи,
Проси обувку... Должен дать...»
Она на рынке стоит тыщи,
Обувка-то...
А где нам взять?!»

Рванулась...
Вот пусть, заводик...
Цель ближе... вот совсем близка...
И догнала
Чихавший Фордик
У неисправного мотка.

Ильич,
На мостик выйдя древний,
Пока саперы чинят путь,
Как мужики порой в деревне,
Присел на бревна отдохнуть.
Смеялась
Лучики-морщинки,
И Надя прямо, как на грех,
Упомяла его ботинки,
Вспондае, как у вех.
«Ну, как прощты?» —
Вдруз тесно стало
Уже заученным словам.
Она пангула и сказала:
«Я от солдаток...»
«С прощбой я вам.
Они... они не просят пищи...
Обувку бы... пар двадцать пять...
Она на рынке стоит тыщи,
Обувка-то...»
А где им взять?!»

«Да, верно.»
Ленин приподнялся
И, на ее взглянув башмак,
«А вам?» — спросил
И рассмелся
И весело и грустно так.
Он ста,
Как показалоcь Наде,
С мастеровыми чем-то схож:
Преклепту, на ботинке глады:
«Э-э, нет... Уже не подошьешь!..»

Вдруг рече
Меж бровями складка,
И сразу смех и шутка — прочь...
«Так вот, товарищ делегатка... —
Вздохнул, —
Попробуем помочь...»
Глаза прищурились в заботе
При виде битых каблучков.
«Вы молады, вы доживете
До модных туфель и шелков...»

Весной,
К прилету первой стаи,
На уаицах и берегах
Снег залежавшийся растаял,
И до Невы прошлаа шуга...
А мир тогда
Был сыпком краток:
Бойцов измученных леча,
Забываа двадцать пять солдаток
Про обещанье Ильича.

Однажды
Дождь шумел обильный,
Все сеткой затемнил кругом.
И к Наде вдруг
Пришла посылный
И пригласила ее в режком.

Шаа под дождем она, по лужам,
Готовясь горе перенести:
Она решила, что о муже
Нелоборую там скажут весть.
Шаа тихо-тихо,
Тихо-тихо складся,
Покорной быть судьбе своей.
Под ливнем
Косы становились
Все тяжелей и тяжелей.

Вот и пошла,
Не замечая,
Как потеки с нее ручьи,
Ее, все мокрую, встречают
Суровые бородачи.

И самый старший из ревкома
Спросил у медсестры тогда:
«Сестры, вы с Асиными знакомы?»
Смутилась и сказала:
«Да!»

Вдруг бородач опрала китеаль,
Должно, с кадетского плеча,
И выгнулась: «Разрешите
Вручить подарок Ильича». —
Тут Наде подали коробку,
«Неужто только мне одной?» —
Полумгла и робко-робко
Брала подарок именной.
И даже изогнула лямочку,
Когда вдруг скрипнула в руках
Красные паузасложки
На аккуртных каблуках,
Не на шпурках, а на резинке...
И кроме этих, имоняк,
Еще солдатские ботинок
Ильич прислала для остальных.

Без красноречья, как умела,
Подарок Ленина вручила,
Завылбалас, подобрала
Суровые бородачи.

В подарок тот
Принярдится
На праздник — вот бы хорошо!
Дни пролетали вореницей,
А к Наде праздник
Ее не шла.
Былаа, поглядит в окошко:
Вот, дескать, кончат новата,
Она в своих полуслапожках
Пойдет любимого встречать.
И мимою на удивенье,
Чтоб он ничем не укорял,
Она расскажет, как ей Ленин
Слапожки эти подарил.
Но нет!

И ей, как многим женам,
Судьба потерю нарвала,
На мучу чувствам береженным
Любимого не сберегла.
Но от бед в ней устало
Не опустилась голова...
В дни мирные тяжкой стала
Двадцатилетняя вдова.

А женщина боь другой потери
Хвестнула по сердцу, как пасть...
Она жила, как бы не веря,
Что Ленин может умереть.

Здание Казанского государственного университета имени В. И. Ульянова-Ленина.

Ленин в Казани

В Казани есть немало исторических мест, связанных с пребыванием Ленина в этом городе. Вот большой дом на Первой горе. Здесь, в комнате на втором этаже, летом 1887 года Владимир Ильич провел два троедневных месяца в окончательном решении: будет ли он студентом Казанского университета?

Владимир Ульянов закончил Симбирскую гимназию с золотой медалью и все же не был уверен в том, что его примут в университет. Ведь он брат казанского народолюбца! Тревога Володи Ульянова не была напрасной: ректор университета потребовал от гимназического начальства подробнейшие сведения о его политической благонадёжности. Только перед самым началом занятий Ленин был зачислен студентом Казанского университета.

В Казани из Симбирска приехала мать Владимира Ильича. Она сняла домик на бывшей Ново-Бомбарсартской улице. Здесь в ночь с 4 на 5 декабря 1887 года Ленина арестовали. Этот первый арест был связан с активным участием студентов юридического факультета в набушующей на всю страну студенческой волне.

Что не помнит рисунок художника Алевксинского, на котором изображен Владимир Ульянов — возмущенный, взволнованный. Он выслушал свое, будет монот, первую публичную речь.

Ленин говорил тогда, как вспоминает один из его соратников, о зверском гнете и несправедливости царского суда, о необходимости вернуть всех студентов против полицейско-реакционного режима в университете, призвать студентов к революционной борьбе против самодержавия...

Казанский университет. По лестнице поднимаясь на второй этаж правого крыла здания. По этому коридору, как доносили один из шпиритом-инженеров, в день схода Владимир Ильич «бросился в атовый зал... в первой партии». В конце коридора — просторный, с высоким потолками и большими окнами Атовый зал, где проходила студенческая сходка, на которой Владимир Ильич провозгласил речь.

Владимиру Ильичу в то время не было и восемнадцати лет. Но уже тогда определилось его истинное призвание. Он стал на путь борьбы за счастье народа.

Студента Володю Ульянова сослали в деревню Кокушино, под Казанью. Возвратился он в Казань лишь в октябре 1888 года. Семья Ульяновых вновь сняла квартиру на той же улице, где жил Ильич в первые дни своего пребывания в городе.

Теперь в этом домике открыт музей. В комнате Владимира Ильича восстановлено все, как было при нем — предельно просто, скромно. Кровать, небольшой столик, полка с книгами. На протяжении всей жизни Владимир Ильич увлекался шахматами. На письменной доске с расставляемыми по клеточкам фигурами.

Зачумленные, взволнованные посетители Дом-музея. И, проходя по тихим зеленым улицам Казани, невольно переносятся памятью в то далекое время, когда здесь можно было встретить нормального юношу в студенческой тунике — Володю Ульянова.

А. ШАПОВАЛОВА

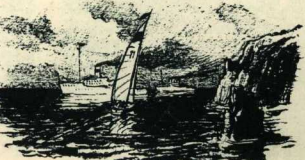
И день прощанья была неирок,
Воль, не стихая, сердце жгала...
В бесценный ленинский подарок
Обулась Надя и пошла.

Пришла.
Толпа у фабзавкома.
А снег над ней кружит, кружит...
«Ты, — шепчут, — с ним была знакома.
Иди к трибуне, расскажи...»

А что она теперь расскажет,
Когда в глазах круги, круги?..
То слезы вытрет,
То покажет
На деревню сапоги,
Сначала гоас был неинитен,
Но вскоре даже с дальних мест
Стаа удивительно понятен
Ее расказ
И зроз жест.
И то, как вождь сказаа в заботе
При виде сбитых каблуков:
«Вы молодые, вы доживите
До моих туфель и шапок...»

«За жень-то хвестнула я... ах.
Достаток повался не вдруг...
Замолака седая тажица
И радостно смотрит вокруг.

У стареньких
Счастье во взглядах
Почти, как у малых ребят.
Вон девушки в ярких нарядах,
Собетя на берег, шумят...
Она беззаботно смеется,
Другая с восторгом глядит:
Волна к ней навстречу несется,
И гребень на солнце горит.
Глядит и тажица выжлобно
На то, как за гробом, вдали,
Приметствуя город белынь,
Спокойно идут карабаи.
Все, все,
Что ее окружает,
Что радует сердце и глаз,
На сто голосов продолжает,
Не кончяния ей расказ.

ПАМЯТНИК В ЭЙСЛЕБЕНЕ

ЧУДЕСНОЕ ВИДЕНИЕ

Это было спустя два месяца после падения Берлина.

Советские войска направлялись к Эйслебен, на демаркационную линию, установленную соглашением трех великих держав.

Колонны шли по мосту. По границе советской зоны оккупации немцы лежали через множество «дорогов», «бургов» и «штаттов», похожих друг на друга, словно близняшек. Ничто не раздражало широкую душу русского солдата. Одинокий, геометрически выверенный пейзаж полей навевал скуку и тоску по родным, бескрайним просторам.

Перед взором воинов долго маячили заваленные трубы Биттерфельде. Тонкие высокие иши, казалось, подиравли знойное небо. Мимо проплыли песчаные карьеры Ландеберга, в глубине которых, точно острова вырытых до исторических чудовищ, замерли огромные экскаваторы... В теснине узких улиц города Галле колонны шли, как в ущелье,— гулкое эхо повторяло поступь солдат... За Галле асфальтовый вал шоссе тянулся по холмам и долинам Саксонии. Справа, на крыльях скалок, зеленели седи и низкотравные поля. Высились пирамиды обработанной породы Мансфельдских рудников.

Ничто не волновало и не удивляло воинов, обходивших пространства от Сталинграда до Берлина в непрерывных сражениях.

Миновало озеро с серым старинным замком на берегу, колонны втягивались в очередное ущелье черепицы и камня, которое дорожный указатель именовав городом Эйслебен. Опять появились мимо слепые дома, вывески торговых фирм, пустые переулки... Все было знакомо солдатскому глазу, уже видевшему множество таких же городков. И вдруг, точно мираж в пустыне, перед колонной войска выросла знаменитая бронзовая фигура Ленина.

Опешили от изумления и радости, солдаты несомненно мгновенно смотрели на монумент молча, словно боясь, что видение исчезнет.

Ибо то не был мираж. Не чуждая, освещенная ярким июльским солнцем, стоял памятник Владимиру Ильичу. Как близка и знакома каждому советскому человеку эта простая полая великого вождя: левая рука прикрывает борт распахнутого плаща, правая— опущенная, а в ною-юк юпит припущенные ладья струят неповторимую, теплую ленинскую улыбку. Казалось, еще одно мгновение— и бронза оживет, Ильич сойдет с постаментов навстречу воинам, заговорит со своими сынами, которые осваивали Страну Советов от фашистских захватчиков, принесли свободу народам Европы, изывавшим под гитлеровским игом.

Когда прошло оцепенение, по колоннам покатилось, как зорская волна:

— Ленин!

— На площади Ленин!

В воздух полетели пилотки, могучее урагрюнуло над площадью, точно раскрыты грома. Завороженно свисла челюсть, привороженное значение, и воины двинулись мимо памятника горестным маршем.

Каждого, кто шел в ту минуту, четко отпечатывал шаг на древней мостовой, волновала один вопрос: кто воздвиг памятник Ленину здесь, в центре Германии, горюке, убитым которого впервые шла советские части?

Словно у путников, встретивших в пустыне жизненный источник, на душе воинов стояла жажда и радость. Поднялись руки, и было так много чувства и радости, что она пробыла дала притягиваемый город—загорелись неподдающиеся жалозно, распахнулись окна. Жители Эйслебена впервые видели представительный монумент, несомненно им мила. Что и было так удивилим их города легко, не вызывая ни страха, ни угнетения. Казалось, воны не идут, а плавают на крыльях песен, в которой эйслебенцы понимали только одно слово: Москва.

Колонны двинулись на запад...

Навстречу войскам шли толпы освобожденных из плену и концентрационных лагерей, выведенных из плена и рабства. Это были те, кого нацисты не успели сжечь в печах, с кого не содрали кожу на абажуры, кого не превратили в порошок для удобрений. Отпирали на пазухи зашившие им костюлы, подержавшие рубища истлевшей одежды, они двинулись медленно, как отсыхающая дача. Тут были русские и украинцы, белорусы и поляки, латыши и эстонцы, французы и чехи, старики и дети, юноши и девушки. Люди были столь истощены, что от них, казалось, остались одни кожа, обтянутые кожей, да глаза, в которых отражались бедня страньяны.

Немалодорожно жгло июльское солнце. Асфальт пылел, асфальт казался раскаленным жароном. Огромные мухи, роem сопровождавшие толпу, лезли в глаза... Люди задыхались, падали от изнеможения, но им помогали подняться, и они, поддерживаемые другарми, продолжали брести. Ничто, казалось, не могло остановить этот поток людей, истосковавшихся по родине. Не дожидаясь поездов, освобожденные на неволи устремились по одной из основных дорог к западу на восток.

Путь их лежал через Эйслебен.

Вот один такой поток вытепнулся на центральную площадь города, и сразу же чей-то звонкий голос пронесся над толпой:

— Подожка добрий! Глазья, та тож наш Ленин!

Юозас МАЦЯВИЧЮС

Ленинский свет

Любо я на вечером глядять на Сену,
Кода они отражены волюй,
А после воевал у стень Вердена,
Где воевал, ариде, придего домой.
Он больше ни выдал огней Парижа,
С тех пор воидил за руку его.
Огнь войны глаза солдату выжет,
И больше он не видел никого.
Цвел весна, шумла Париж зеленый,
Но да слопного— только нок и мгла.
Он пробрался в сторону района,
Где выставка всемирная была.
Заветная мечта вела солдата
Туда, где встал Советский павильон,
Про Ленина солдат вышел когда-то,
И наконец вождя увидит он!
И вот, едва коснулся бронзы руки,
Как будто вновь увирил свет в глаза,
И покосился по щекке
Он муюой,
А радостью рожденная слеза.
И в первый раз за столько лет печали
Сотрелся он, помолодеа душой.
Два Франциши перед глазами встали,
Одна из них была ему чужой.
Он Франциши банкиров зренье отдал.
Но та, другая— близкая, как мать,
Страна просыпаясь явлей, страна народа,
Безь инаго— тот он и был отдал.
Он на борьбу своего народа призван.
Он вместе с ним. Он снова стает
... в строй.
Путь озарен любуям Лениным...
Он видит свет. Он больше не слопой.
Перевел с литовского
А. РЕВИЧ.

— Ленин?.. Где Ленин?— замулема толпа и хлынула к бронзовой статуе.

То тротил ругой бронею, будто не веря своим глазам, кто просто садился на мостовую и молча смотрел на бронзовое навание, кто говорил с ним, будто с живым... Многое, мужеством переживавшие пытку в лагере, плакали, не стесняясь обычных слез радости.

Старик в неизмеримо ровном халате, сплечь дыры которого видно было истощенное тело, пробился в памятник, твасивымися руками достал из-за наухи сумочку, вынул из нее жемчужное ве на ладонь и стал горько сесть вокруг постаменту. То была жесткая земля, втянутая стариком на родине, когда его угнали на чужбину. Рассыпая теперь, эту драгоценную землю у подножья памятника, он что-то шептал.

— Наш Ленин... Наш Ильич...— повторяли люди, глядя на знакомое извращение, и им чудилось не видеть, а слышать, вспоминались колхозные праздники, звучавшие знакомые мотивы песен, и даже казалась, веило ароматом своих полей... Родина была рядом, тут, где стоял Ильич. Каждый в эти минуты инстинктивно не видел, не замечал, жуч своей, переполившей его сердце радостью и думами.

Толпы освобожденных из фашистской неволи катились через Эйслебен много дней, и не было среди них ни одного, кто не раскопался бы у памятника Ленину, о Родины, откопав, осветить истрадивавшее сердце.

У подножья памятника в те два стояла доска, на которой по-немецки было что-то написано. Но большинство возвращавшихся из неволи не умело читать по-немецки, а кто и умело, все равно не мог прочесть: доска и невысокий деревянный постамент до самых ног Ильича были завалены цветами. Советские люди торжественно на Родину, шествия из них не спринтавшаяся, а жучу, заступая здесь этот колоссальный, в три метра высотой, бронзовый монумент. Перед ними был образ Ленина, а он означал свободу и жизнь, радость и счастье. Он, словно родной отец, вышел далеко вперед, на дорогу, встретить своих любимых детей.

КОГДА ПРОБУЖДАЮТСЯ СЕРДЦА

Памятник Владимиру Ильичу и сегодня стоит в Эйслебене на том месте, где летом 1945 года его впервые увидели советские воины и люди, освобожденные из концентрационных лагерей. Тогда же впервые увидели подмошью замечены фундаментальным pedestalом, на лицевой стороне которого высечена надпись:

W. I. LENIN
geb 22. 4. 1870
gest 21. 1. 1924

На другой стороне pedestalа воспроизведен тот самый текст, что сначала был написан на простой доске. В переводе на русский язык он гласит:

«Этот памятник был воздвигнут немецкими военными преступниками в России. Его намеревались перевернуть, чтобы продать преступникам войну. Этот воспретившийся антифашистский завод «Крукуотте». Они спрятали памятник.

В честь Красной Армии памятник был установлен антифашистами 2 мая 1945 г. на этой площадке.

Тогда, в каком-то советском городе стоял бронзовый монумент Ленину. Установить это не удалось и до сих пор. Памятник за военные годы обрел новую историю, породил легенды, говорящие о бесстрашной любви трудящихся к гению человечества.

... 1941 год. Гитлеровские ордн вторглись в Советскую страну, грабили и уничтожали народ города и села. Гле-то в Дюблице или на Квиевнице, в Загорье или на Смоленщине они свляли с постаменту любуям воздвигнутый советским народом памятник Владимиру

Ильму Ленину, погрузили на железнодорожную платформу и отправили в стретью империя для переплавки.

Образ Ленина вызывал у нацистов смертельный страх. Чтобы скрыть от немецких рабочих то, что изображал монумент, фашистские работники пытались приять скульптуру черты бесформенной глыбы: залепили бронзовую фигуру глиной, покрасили краской. Именно в таком виде шеститонная глыба бронзы прибыла в Катовицы.

Польские мастера, работавшие на заводе, взвешивали на глыбу и замерли. Живая, неистощимая сила сковала их движения, сердцу становилось тесно в груди. Они узнали в контурах глыбы фигуру того, чье имя нельзя было проносить вслух при фашистах; за одно упоминание этого имени нацисты бросали людей в концентрационные лагеря. Но, как ни бесовались нацисты, имя это все равно жило в сердцах трудящихся, пробуждая надежду и веру в торжество великих идей: оно и во мраке фашистской ночи горело, как дугувольная звезда... Мастера переглянулись. Старший постукал молотком по глыбе, отколов глыбу, поковырялся, как бы снимая пробу металла, снял шапку и, поклонившись немцу, сказал: — То не можно переплавить в наших печах. Никак не можно!

Мастера подтвердили: — Для такого металла режим катовицких печей не подходит. Совсем не подходит...

Платформу с монументом отправили на металлургические заводы Бреслау, в один из крупнейших промышленных центров Силезии, куда нацисты вывозили из оккупированных стран не только сырье, но и рабочую силу. Все было рассчитано в «стретей империя»: немцы славословили «прострства», представляли «визитных рас» — подпольные рабы, сосланные на немецкую каторгу из Польши, Франции, Чехословакии, Бельгии, Советского Союза и других стран, — должны были нести на своих плечах всю тяжесть труда в военной промышленности. Заводы Силезии ежесекундно покрывали шизоны металлического ома и ежесекундно выпускали шизоны металла для снарядов и танков, пушек и кораблей, мин и подводных лодок. Все, казалось, было точно рассчитано в стретей империя... Но рабы-мастера осмотрели доставленную в Бреслау глыбу и завылали: — Ота бронза выведет из строя печи...

Переплавить монумент оказалось невозможным и на силезских заводах. Платформу отправили дьяволу.

Шестой год бронзовый монумент, томя прязрак, путешествовал по фашистской Германии, в виде не находилось ни такой печи, ни такого огня, что могли бы уничтожить образ, в котором воплощено само бессмертие.

В июне 1942 года в адрес «Миттаг-Верке» — общества по переплавке цветных металлов — поступили накладные на металлолом, следующий из Вены. Диспетчер общества направил этот груз вглубь Германии, в Саксонию, на медельвальские заводы Мансфельдского горнопромышленного района.

Шезелю, груженый колоколами и люстрами соборов, решетками дворовых парков, продырявленными котлами походных кухонь и разной медной мелочью, прибыл из Вены в Герштетт, на медельвальский завод «Мессинг-Верке».

Разгружая набравшее, рабочие на одной из платформ обнаружили бронзовую фигуру и отпрянули: нет, это невозможно было отправить в печь!

Из Герштета монумент повезли в Эслебен, на завод «Крухотте», один из крупнейших медельвальных комбинатов Мансфельдского горнопромышленного района.

НЕПОКОРНЫЕ РАБЫ

Медные рудники и угольные шахты Эслебенского бассейна существуют более четырехсот лет. Это родина многих поколений немецких горняков и металлургов. Их потом и кровью пропитана вся земля вокруг Эслебена. Великая рабочая масса встала против зверской эксплуатации. В двадцатых годах текущего столетия горняцкий район стал центром революционного движения. Стоит перелистать странные истории, и перед нами открываются знаменитые Эслебена.

1920 год. Эслебен выступил против реакци-

Памятник В. И. Ленину в Эслебене.

онного Капповского путча. Тисяч рабочих вооружились и атаковали бронзовое, посланной для усмирения города. Командование броннеселя, которому отрезали пути отхода, вынуждено было вступить в переговоры с бунтарями. Палачи просили позволения мирно покинуть город. Рабочие поверили и жестоко поплатились за свой либерализм: уходи, броннесель отряд урганный огонь по толпе.

1921 год. В день пятидесятилетия Парижской Коммуны вспыхнула знаменитая Мансфельдская забастовка. Горняки требовали очистить шахты и заводы от полиции, шпионов и провокаторов, которыми буржуазия наводила промышленные районы Средней Германии.

Рабочие, возмущенные тем, что обер-президент Саксонии социал-демократ Герзинг послал против них карательные отряды, стали вооружаться. 21 марта в Мансфельдский район

прибыл известный германский революционер Макс Гельц и организовал партизанские отряды. Более двух тысяч партизан осаждали Эслебен, где засели отряды Герзинга. Бой продолжался несколько дней, но силы были неравные, партизанам пришлось отступить. Многие пали на полях между Эслебеном и Галле.

Кровавая расправа не сломила революционный дух. Шахтеры и металлурги Мансфельда много лет, точно бельмо на глазу, мешали всем германским правительствам. Имя Ленина провозносилось здесь как символ свободы.

И вступ в 1933 году все заглохло: власть захватили фашисты. Революционное движение было обезглавлено, лучшие люди казнены или упрятаны в карательные тюрьмы и концентрационные лагеря. На площади Эслебена запылал огромный костер из книг. Дым этого

костра поднялся к солнцу и, казалось, затнил небо Германии.

В доме № 20 на Галленстрассе обосновался гестапо — заведение слежки, доносов и пыток. Провокаторы и агенты опутали страшную паутиной все Эйслебена. Нити ее тянулись от Галленстрассе во все дома, на шахты и рудники, в цеха «Круглоте» и в Кратцхютте. Фашистской ночи О прошлом не разрешалось думать. На шкале радиоприемника было стерто слово «Москва». Из университетов удалены передовые ученые... Фашисты годами вдвигали немецкую мысль, превращали их в рабов покорения мира, отравляли немецкий народ ядом нацистской пропаганды.

В это мрачное время Германия словно онемела и ослепла. Она была оглушена барабанным боем походов против Чехословакии, Польши, Франции...

Растоптав Европу, гитлеровские полководцы вероломно напали на Советский Союз. Вскоре после вторжения «заовзеватели» доставили в Эйслебен пятый эшелон мужчин и женщин, идущий в десант, захваченных в городах и селах Белоруссии и Украины. Фашисты щедро отдавали советских людей помещикам, гнали на каторгу в шахты и рудники. Огромную толпу «восточных рабов» привяли на «Круглоте».

Здесь, в цехах и в медеплавильных печах, подобно тому, как и на фронте, столпились два мира. «Восточные рабы» оказались людьми несвободным и непонятным, гордо полагая, что даже в неволе держатся гордо. Ни полугодное существование в азовных бараках, ни каторжный труд на «Круглоте» не сократили их любовь к своей Родине. Их избивали, расстреливали, казнили, но никакие угрозы не могли погасить в их душе волю к борьбе, сломить стальной характер, повести советских людей на колени.

Были среди этих непокорных один человек, чей прямой, дерзкий взгляд не выдерживал ни пытки, что не отвести или не опустит глаза. Звали его Опанас. Он один катал железную вагонетку. Под густыми, широкими его бровями, в глубоко запрятанных зрачках никогда не погасала искра ненависти. Опанас невольно ругал немцев, и если ему удавалось заговорить с кем-нибудь из них, он с жаром обрушивал на собеседника поток слов и жесты: «Круглоте».

— Ты им ты, дуры головы! — не мы, — фашисты — твои враги, Берштейн?!... Нас нельзя победить. Не юнитамеши?..

Однажды Опанас попал на передельного агента гестапо. Тот заорал на ломаном русском языке:

— Замолчать, большевик голова!

Агент хотел ударить Опанаса, но «большевики голова» выхватили из кучи лома огромную шестерню и, подняв ее над головой, пронесли сквозь зубы:

— Только троюк! Убью... гнидь!

После этого случая Опанаса куда-то вызвали, и уже больше никто никогда не видел его на «Круглоте», ни в лагере. Он исчез бесследно, как исчезают в других эшелонах люди, о себе имеющие хорошую память: таких невозможно поставить на колени!

Советские патриоты, храбрость, бесстрашие и моральную стойкость которых вызвала Коммунистическую партию, вступили в ряды партизанского движения. Дух неукротимости, сила веры в неизбежность победы, как падающая капель, подтачивали фашистскую твердыню, незаметно делали свое дело. И тогда на «Круглоте» начал действовать Роберт Бюхнер. Он первым заметил перемену настроения старых рабов, заговорил с ними, и они узнали в нем прежнего бунтаря. Будучи еще молодым шахтером, Бюхнер вступил в Эйслебене в Союз молодежи и вступил в члены Коммунистической партии Германии и только тогда избрал той тяжелой участи, какая постигла большинство немецких партийных работников. Перед войной Бюхнер вернулся в Эйслебене и поступил рабочим на «Круглоте».

С большой осторожностью коммунист Бюхнер начал организовывать на заводе движение сопротивления нацизму.

Так на «Круглоте» появилась небольшая

подпольная организация. Она была мала и слаба, но ведь и посевное зерно не исходит сразу колоском. Подпольная организация установила связь с лагерем, где содержались утняные в рабство советские люди.

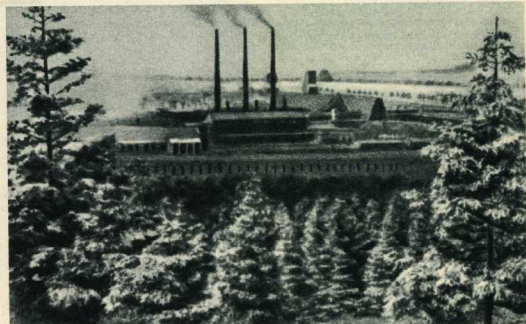
— Русские не были рабами, — говорит Бюхнер, вспоминая те дни. — О, нет!.. Они принесли сюда свое, гибельное для фашизма влияние. На тот завод, основан 1943 году из Гештета прибыла платформа с путешествующим бронзовым монументом.

ТАЙНА РАБОЧИХ «КРУГЛЮТЕ»

В десятиметровых плавленых печах «Круглоте» неустанно бушевало пламя.

Печи, словно неистощимые кладовки, пожирала всю добычу Эйслебенского медеплавильного бассейна. Битуминозные сланцы, содержащие всего три процента меди, исчезали в раскаленной утробе, как в пропасти. Бассейн не мог полностью обеспечить завод необходимым сырьем. Пенки загружали колоколами и медными ступками, деталями станков и машин, украшениями двorcов и самоварами — всем тем, что специальные команды рабочих выносили из окрестных районов.

...На шихтовом дворе разгружали очередной эшелон медного лома. Край, чуть вздрогнув,

Общий вид завода «Круглоте».

поднялся с платформы колоссальную бронзовую глыбу и, держа ее на весу, заскочил, будто рыба, что летит с этой непомерно громадой добычей. В тот же миг кто-то, зная обо всем на свете, крикнул:

— Братцы, Ленин!

Трудно было определить, что преобладало в голосе кричавшего: радость или отчаяние... Русские люди, груженные вагонетки, бросили работу. По двору прокатился грозный ролот, и опять тот же голос зазвучал неуголucose:

— Не дадим платформы... Братцы, что ж это такое?

Вообудженная толпа советских людей кинулась к краю, но охранник, прищавотое лицо которого до самого носа прикрывала каска, поднял автомат и заорал:

— Шюрок!

Из толпы невольников выдвинулась женщина в рубище и, наступая на охранника, закричала:

— Стреляй, антикрест!

Глаза ее были полны слез. В гневе она равнула кофту и, налегая обаяющей грудью на автомат, повторила:

— Стреляй... Ну же, стреляй, фашистская гадина!

Охранник пятался, завызывая:

— Шюрок... Шюрок!

Глыба металла покатилась в воздухе. Крановщик, вымучившись из будки, члдо то борютад, не то негодую, не то обясняя положение

спешившему к нему обер-мастеру. И мастер, и стовые лодья бывший шахтер Валентер Кулеус, Курт Линдлер, Пауль Шустер, Герман Гoffман, Мош, Клаут, и другие старые рабочие узнали в бронзовой фигуре образ того, чье имя было запрещено в фашистской Германии. Тот, кто решался назвать это имя, произносил себе смертный приговор... Где-то в глубине души у старик немецких рабочих вспыхнул огонек и оварил прощание. Бронзова... Манефольская забастовка... Как давно это было! Но ведь не погас огонек в груди? Он теплился, горел сердцем, и вот теперь, перед лицом совести мира, надо было или навсегда погасить его, отравив монумент в печь, или рисковать жизнью, как эти русские, готовые умереть за дело Ленина.

Стела краия качнулась, медленно поехала в сторону от вагонеток, ожидавших порцию шикты, и бережно опустила бронзовую толпу на металлоческие струги.

...Вечером все лагерь, где разместились советские люди, утняные на немецкую каторгу, гудел, будто встревоженный улей.

— Я убью того, кто тронет памятник! — крипел неслышным языком человек... Пусть только попробуют грузить на переплаву!

— Лучше умереть, чем допустить такое!

Люди страстно обсуждали, что сделать, что

бы не допустить колуства над образом самого дорогого человека.

Ленинградская студентка Валентина Шестакова, отданная фашистами в услужение помещику Ште в деревне Обершордиф, выполнила роль связной между лагерем и подпольной организацией на «Круглоте». Ее поручили немедленно договориться о единстве действий, чтобы сохранить статуэтку вождя народов.

В тот же вечер Вали встретилась с Бюхнером. Геноссе! — Она волнувалась и не знала, с чего начать этот трудный разговор. — Геноссе, там, на заводе, Ленин...

— Ленин?

Бюхнер бывал в Москве. В его памяти живо-вещно всплыли Михайлов и Ильич, точно сплывший под стеклом сарофага... Ленин на «Круглоте»? Бюхнер готов был принять Вали за помянутого, а она все еще не находила нужных слов, говорила обрывками фраз:

— Памятник, геноссе, наш памятник... Нацисты хотят в него!

Когда Вали рассказала наконец, что произошло, Бюхнер убедил плахи и отправился к членам подпольной организации. Приобрелась ужким, глумливым переделкам Эйслебена, он побывал у Кулеуса, Шустера, Линдлера, Моша...

Никто не возражал, все поддерживало предложение, но возникал один тревожащий вопрос: «Как это сделать? Как сделать так, чтобы не узнали на Галленстрассе двадцать?»

ЛИЗИНОВКА СЕГОДНЯ

На уроке черчения в 7-м классе вечерней школы сельской молодежи. За партой колхозница Александра Бутко и механик МТС Александр Симченко.

— Может быть, краповицки? — спрашивал Бюхнер. — Нужно поручить такому, у кого и железом не вырвать тайну.

Решено было спрятать мундштук на шихтовом дворе. То был первый несласный союз передовых немецких рабочих с советскими людьми на «Кругютте».

Ночью броневаз глыба исчезла. В укромном уголке шихтового двора, среди мелкого лома, вырос небольшой холмик из ржавых стружек и металлических опилок. Это холмик и хранил тайну рабочих «Кругютте», о которой знали лишь немногие. Бывший шахтер Вальтер Куеусе, старик Мош, рабочие Курт Линднер, Пауль Шустер, Герман Гофман, мастер Кляут оберегали холмик. Они не боялись русских: знали, среди этих сильных духом людей нет предателей. Боялись своих, немцев. Стоило кому-нибудь шепнуть на Галенштрассе о подозрительном холмике и им не миновать концлагера.

Бывали тревожные времена, когда запасы металлолома на шихтовом дворе иссякали, и все же холмик металлических стружек оставался нетронутым.

Так проходили дни, недели, месяцы... Настала зима, когда вомадеме поступало в ворота Берлина: советские вооруженные силы подошли к Одеру. Приближался конец фашистской Германии. На «Кругютте» больше не поступали заказы с металлоломом, но рабочие заводские упрямые и поземелье — попрежнему требовали мести. Особою озабоченности «стрелит империи» металась по заводам. На «Кругютте» прибыли из Берлина контролер и потребовали, чтобы в печи бросили все, что можно переплавить. Он швырнул по двору, тыча металлической тростью то тут, то там, требуя поднаткнуть под метелку стружки и опилки.

Этот пронырливый чиновник, как ни отвлекал мастер Кляут, все же обнаружил холмик, ткнув тростью в него, и выходящийся на броневазную глыбу, закричал:

— В печь! В печь!... Германия нужна мести! Крав пошел к холмику. Под монумент повелась печь, но тут случилось что-то необыкновенное: крав разлетелся в аэстах. Чужезыч краповицки выскочил из буки и сообщил мастеру:

— Крав калут!
Тогда было приказано автономом распилить броневазную глыбу на части. И вновь «страшная случайность» оттягивала роковую минуту со дня на день. То почему-то не могли подвезти баллоны с кислородом, то вдруг оказывался испорченным автогенный аппарат. Кто действовал? Чья рука вмешивалась в работу механизмов? Иногда даже подползавшие группы, хранившая тайну, удивлялась: кто-то опережал их — рубил шпаны у баллонов, выпускал кислород...

Фашисты построили страшные пещи Майдакек, в которых сжигали нежизнью. Но нет и не будет такой пещи, где можно было бы сжечь великие идеи ленинизма. Они бессмертны. Они не знают ни границ, ни претрад. Они живут в сердцах народа. Потому даже бронза, в которой запечатлелся облик творца буржуазной идеи, оказалась неподвластной огню. Монумент Ленина так и не удалось фашистам переплавить.

КТО ОНИ!

14 апреля 1945 года в Эйслебен вступили американские воиска.

Вслед за ними в родной город пришел и Отто Гоце — коммунист, скрывавшийся от преследования фашистов. Гоце зашел прямо на квартиру к своему старому другу Бюхнеру.

— Где Роберт? — спросил Гоце у матери Бюхнера, чуть приоткрывшей дверь.

Чопорная старуха недоверчиво посмотрела на замысловатые багмаки Гоце и, не впуская в квартиру, сообщила:

— Роберт в ратуше.

Гоце пошел туда. В коридорах ратуши толпились посетители. У народа оказались самые неотложные нужды в первый же день после окончания ненавистного фашистского режима. Все желали поспешить к новому обер-бургомистру города Роберту Бюхнеру. Чинивший ратушу разболевшаяся Бюхнеру одному приходилось решать все дела. Гоце еле протиснулся к нему.

О том, как жили раньше крестьяне деревни Лизиновой, Отстрогенского уезда, Воронежской губернии, можно узнать из книги В. И. Ленина «Ета такое «дворянство» и как бороться против социал-демонстратов». Анализируя экономическую доверенность деревни, Ленин указал на ряд крестьянских хозяйств, которые вследствие классного расслоения в деревне окончательно обанкротились. Многие крестьяне, спасаясь от голодной смерти, переселились или в поиски поминки и ушли в город.

Согласные в Лизиновку сегодня. Как не похвала богатая, радостная жизнь лизиновских колхозников на ту жалкую, нищенскую, какой она была шестьдесят лет назад! На найдем шагу в Лизинове видны колоссальные изменения, происшедшие в деревне после Великой Октябрьской революции.

Вот дом колхозника Михаила Корневича Горбенова. Просторный и светлый номерок. На окнах гардины, на столе радиоприемник, в углу — телевизор, полки с книгами.

— Мой мед и отец всю жизнь работали на помещиках, из нужды да темноты не вылезали — рассказывает Михаил Корневич. — А теперь посмотрите на нашу жизнь. В доме полная чаша. В прошлом году только одной пшеницы наша семья получила шестьдесят пудов. А еще мясо, овощи, мед!

Все дети Горбеново получили образование. Старшая дочь, Мария, окончила 1-й Московский медицинский институт, Ллоба — Россославский техникум, младший сын, Николай, — Ростовский институт инженеров транспорта. Два вузовских диплома и диплом техникума в одной семье!

Сколько было радости в семье Горбеново, когда сын Николай, уже проработавший год инженером, приехал в родное село работать инженером-контролером в Лизиновскую МТС!

— Одобрю, одобрю, сынои! — сказал ему отец.

Сын Михаил Корневич работает в колхозе лизиновском. Колхозники так отзываются о его труде.

В первый же год, как поставили Горбеново на пашню, колхоз получил с нашего уезда по сорку килограммов мяса. Такого сбора в Лизинове давно не видели!

Медик Михаил Корневич работает зеньской в огородной бригаде, по вечерам занимается на агротехнических курсах.

Не одна семья Горбеново так поднялась за колхозные годы. Сын бедняка Яков Леонтьевич Друст стал преподавателем биологии, его старшая дочь, Антонина, учится в Краснодарском сельскохозяйственном институте, младшая, Не-

нина, — в медицинском школе, Анастасия Торобова преподает русский язык, Мария Пригунтень и Мария Украинская работают технологами в совхозе.

Из Лизиновой вышло 20 учителей, 8 врачей, 18 агрономов, 14 зоотехников, 6 инженеров, 13 механиков, 249 трактористов.

Колхозники Лизиновой хорошо трудятся, культурно отдыхают.

Всюду и во всем видны приметы нового времени. Лизиновка залита электрическим светом. В селе есть две школы, клуб, библиотека, колхозный родильный дом, врачебный пункт, почта, магазин, столовая.

Заманчиво несут колхозники села, Об этом говорит хотя бы такая цифра. За прошлый год магазин сельпо продал колхозникам велосипедов на 38 тысяч рублей, книг и музыкальных инструментов — на 30 тысяч, шель, шесты, мебели, одежды, обуви — на 1 миллион 400 тысяч рублей.

Велика преобразующая сила ленинских идей. Она рождает новую жизнь, воспитывает нового человека. Колхозное крестьянство самоотверженно борется за выполнение боевой программы другого подъема Лизиновой аграрной колхозной нашей страны, намеченной Коммунистической партией.

М. БУРАКОВ

В детской консультации медицинского пункта.

Фото А. Галкина.

— Гут морген, Роберт!

Другая не виделась много лет, но вместо «Здравствуй, дружище!» Бюхнер воскликнул так, будто он давно ждал Гоце:

— Наконец-то ты пришел! Садись и пиши обращение к населению...

Гоце и Бюхнер еще в юпоиеские годы вместе работали в Эйслебенской организации Союза молодежи Германии. Они хорошо понимали друг друга. Теперь многое зависело от энергии и революционного умения таких, как они, чтобы в Германии не воскрес фашизм, разгромленный Советской Армией.

Поток людей захлестывал обер-бургомистра. Среди посетителей были и рабочие с «Кругютте». Они спрашивали: можно ли теперь поднять статую Ленина? Бюхнер ответил: «Действуйте, друзья!»

— Был субботный вечер. Куеусе, Мош, Кляут, Линднер и другие вернулись на завод и начали готовить монумент к подьему. Теперь нечего было бояться и притаться. Рабочие, хранившие тайну, усердно трудились, омытая бронзу от глины и краски.

В воскресенье на заводском дворе собралась огромная толпа и подвала шеститонную ста-

тую. Вальтер Кунесу обнажил голову и, указывая на бронзовую фигуру, возмущаясь над толпой, сказал:

«Дас нет усер Ленни!». Он, отец народов, вышел вперед и начал шпалить. Мы вертели в его идеи. В темной юбке фашизма нам озарила путь светлая звезда надежды. Этой звездой был Ленин!

Когда все было подготовлено, обер-бургомистр Бюхнер обратился к американскому командованию подполковнику Оливию фон Стенля с просьбой разрешить перевести с завода и установить на центральной площади Эйслёбена памятник Ленину, тайно сохранивший антифашистами «Круготте», также сохранивший антифашистами «Круготте».

Стенля потеснил и, отчеканивая каждое слово, ответил Бюхнеру:

— Если вы, господа, обер-бургомистр, еще хоть раз займетесь об этом, расстреляю.

Бюхнер в первый момент не понял, что произошло — представил Америку союзник Страны Советов, армия которой сражалась под знаменем Ленина, боится этого имени так же, как боялись немецкие фашисты.

Вскоре подполковника Стенля сменил майор Жейсель. Демократические организации Эйслёбена предложили новому командующему договориться с той же просьбой: разрешить поставить памятник Ленину.

— Как? — закричал Жейсель. — В Эйслёбене Ленин?

Командант повелел, точно его хватил удар. Он обручился на делегацию изюмом брани, грозы наказать тех, кто посмеет распространять из эту опасную тему. Жейсель не позволил вступить ни в какие переговоры с делегацией по поводу спасенной драгоценной реликвии — вытиска подполководцев немецких демократических организаций.

Рабочим стало ясно: в мушкетере американского офицера был настоящий фашист.

Момент, приобравший удивительную историю, лежал на заводском дворе еще два месяца. В конце июня стало известно, что Эйслёбен отойдет к советской зоне оккупации Германии. Американские войска должны были покинуть город. Рабочие «Круготте» решили до того бы то ни стало установить памятник Ленину на площади в мемориальном парке в Эйслёбене Советской Армии-освободительницы. Вечером 2 июля, накануне последнего дня пребывания американцев в городе, передовые рабочие «Круготте» вновь собрались на шхотном дворе у бронзовой статуи. Люди работали дружно. Статуя получила на алтаре для переноски тяжести, помещенный мощным трактором, и процессия ночью двинулась от завода к центральной площади города.

При свете прожекторов тридцать шахтеров и металлургов без отрыва трудились всю ночь безотрывно в ожидании памятника, готовили временный деревянный постамент. К востоку солнца бронзовая фигура Ильича стояла на площади, через которую пролегла дорога с востока на запад, дорога, которой уходили Стенля и Жейсель и которой шли вперед русские. К постаменту была прикреплена простя доска с надписью, сообщившая историю памятника. Текст для доклада составил коммунист Вернер Эгертат.

Американцы поспешно покинули город, с последних войск еще не было. На площади подполковнику стеклись жители Эйслёбена. Приходили рабочие и торговцы, врачи и инженеры, учителя и студенты, старики и дети. Окружив неизвестный памятник, они рассматривали бронзовую улыбающуюся фигуру, спрашивали друг у друга:

— Кто он?

Немногие, очень немногие из собравшихся на площадь знали, чей образ запечатлен скульптор в бронзовом монументе. Только старики шахтеры и металлурги, что все помнили, назвали фашизма в Германии носил имя Ленина в своем сердце, кто хранил тайну «Круготте», не забыли его обра. Они сегодня любили, кто-то из них радостно восклицал:

«Дас нет усер Ленни! Это наш Ленин в Эйслёбене». Но позднего вечера появились народом. Прислушавшись к разговорам людей, антифашисты еще лучше поняли, каким страшным ядом был отравлен немецкий народ. Эгертат, Бюхнер, Гоце, Кунесу откровенно говорили:

— Опустоение в сердцах немецкого народа намного сильнее и серьезнее тех разрушений,

которые война принесла заводам и жилищам Германии. Нужно время и колоссальный труд переоснащения, чтобы к немцам вернулось доверие свободолюбивых народов. Когда бы выстраивали завод, посвящая заводскому, когда будут очищены загоревшие фашистской пропагандой мозги, тогда сердца немцев вновь обретут прежние человеческие качества. Они увидят и поймут новый мир. Они сами будут его строить.

Понимание нового мира открывал бронзовый монумент, изображавший великого мыслителя, чьи идеи овладевали умом, как только люди прикоснулись к источнику его мысли.

«Эйслёбене» газетам. На страницах ее восторженно рассказывалось о необыкновенном событии в городе.

«В эти дни ожидания», — писал Вернер Эгертат, — в нашем Эйслёбене совершился акт исторического и глубокого символического значения. За несколько часов — это во время отхода американских войск — на площади был поставлен колоссальный памятник Ленину — человеку, наложившему печать на нашу эпоху.

«Перед памятником рисовал все, что происходило на площади в тот день. Автор делался с читателями и своими чувствами: «И вот ты стоишь среди нас, Ленин, — отец трудящихся, немного возмущаясь над толпой, как раз настолько, что тебе все видно, и так близко, что дети, играющие вокруг тебя, касаются твоих ног.

Нас, немцев, захватывает потрясающая простота скульптуры. Нам непривычно: человек без позы, без красных жезлов, без прикрас, человек в будничном платье. И такая изумительная сила исходит от этой скульптуры! Уже только от скульптуры! А как же он мог действовать, будучи живым? Кто знает о нем, кто знает не мертва эта скульптура!»

Через несколько дней в Эйслёбене с востока вступили советские войска, а с запада — толпы освобожденных из фашистской неволи. Наблюдая сны радости и наплыва народной любви, происходившие у памятника, немцы поняли, кем был и есть для советских людей этот человек — простого солдата. Его бесстрашие идеи вдохновляли воинов на подвиги, вливали в сердце каждого советского человека, где бы он ни находился, страстную веру в победу.

— Это наш Ильич!

— Это, люди добры, наш Ленин!

«DAS IST UNSER LENIN!»

Бронзовый монумент, похищенный немецкими военными преступниками в России, надо было возвращать советскому народу. Это понимали антифашисты Эйслёбена. Но памятник стал им дорог и близок. Вокруг него объединилась первая группа сопротивления нацизму еще в дни войны. Его присутствие озарило город светлым лучом жизни и культуры в мрачный период истории немецкого народа. Началась борьба за новую, демократическую Германию.

Антифашистские организации города обратились к Советскому правительству с просьбой разрешить им оставить в Эйслёбене сохранившиеся антифашистами памятник Ленину. Просьба была удовлетворена.

Тогда городские организации соорудили фундаментальный каменный пьедестал эллиновсообразным бордором из гранита с каменными колоннами вокруг памятника, у подножия поселили цветы.

1 мая 1948 года состоялась торжественная передача памятника городу. Это был праздник, какого не знал Эйслёбен со времени его основания. Шахтеры, учителя, торговцы, женщины, шахт и рудников со знаменами, плакатами и цветами пришли к памятнику. Людей море залило площадь и выходящие на нее улицы.

По предложению антифашистских организаций в этот день в школах города начались занятия переданы специальные часы для ознакомления учащихся с биографией великого вождя народов. Педагоги этот необычный урок назвали словами:

— Дети, видели ли вы на Август-Бель-плац бронзовую статую человека в одежде простого рабочего? Его имя — Владимир Ильич Ленин...

Во всех организациях СЕИГ были проведены специальные вечера партийной учебы, прочитаны лекции о жизни и деятельности вождя мировой революции.

Медаль «Защитнику» «Круготте» стояли вблизи памятника. Они держали огромный транспарант с надписью:

«Das ist unser Lenin!»

Шахтеры пришли на торжество в традиционной форме — черной рубашке и шляпке с белыми султанами. Они гордо несли к Ленину свою драгоценную реликвию — Красное знамя, подаренное им советскими горняками двадцать лет тому назад. В мрачные годы фашизма это знамя они хранили замурованным в стене.

Плюсское море колыхалось на площади. Легко было дышать, думать и говорить о том, что страшные оковы фашизма пали, что немецкому народу дана полная возможность строить свою жизнь на началах свободы и демократии. Борьба за это повсюду велась своим живым человеком, которому первый в Германии памятник воздвигли здесь, в Эйслёбене, в Мансфельдском горнопромышленном районе, где жаждал свирепый нажим не мог окончательно вытравить из души людей традицию.

«История» слова Ленин объясняется к германским рабочим и не эксплуатирующим чужого труда крестьянам. Еще в мае 1919 года, после заключения Версальского мирного договора, Владимир Ильич писал:

«Мы должны начать работу по осуществлению протеста в Советской власти, расстать убеждение и, что только Советская власть, власть самих трудящихся, а не буржуазный парламентаризм отныне в наиболее демократической республике, способна обеспечить труд от ига капитала, народы от вражды и войн, человечество от разгрома беженного империализма.

Это убеждение проложит себе дорогу во что бы то ни стало. Рабочие всех стран все более убеждаются, что нельзя спастись от империализма, войны и войн, от фашизма, от не победящей ее, не свергая ее власти, не подавая беспощадно сопротивление эксплуататоров. Начать это можно только с своей собственной страны».

Именно трудящиеся Германии теперь понимают, что из युника, куда фашизм загнал немецкий народ, есть единственный выход — демократическое преобразование Германии. В Германской Демократической Республике начато то, чему учил Ленин. Национализированы фабрики, предприятия, матушки чужих преступников. В собственности немецкого народа безвозмездно переданы все крупные рудники, шахты, фабрики, заводы и железнодорожный транспорт. У помещиков отобрана земля и передана малоземельным и безземельным крестьянам. Открылся светлый перспектива роста и процветания народа.

Ясно светило майское солнце. Статуя из темной бронзы, возмущаясь над площадью Эйслёбена, изучала тепло ленинской улыбки.

Легко было дышать, думать и говорить.

...

Из окон Эйслёбенекого районного правления Единой социалистической партии Германии открывается вид на Август-Бель-плац, где стоит памятник Ленину.

Вальтер Кунесу, бывший забойщик, состоявший в 1920 году в рядах Коммунистической партии Германии, хранивший тайну рабочих «Круготте», подошел к окну и, указывая вниз, на статуя, у подножия которой играли дети, сказал:

— Он помогает нам. Мы всегда чувствуем его поддержку. Он с нами, великий Ленин! Помолчал немного, Кунесу вдруг горячо заговорил:

«Возражаю: наша: так мы и не знаем, в каком городе фашисты украли этот памятник. Хотелось бы начать переписку с тем городом. Мы рассказали бы советскому народу, каким почетом окружен Ленин в Эйслёбене. Он и для нас вождь».

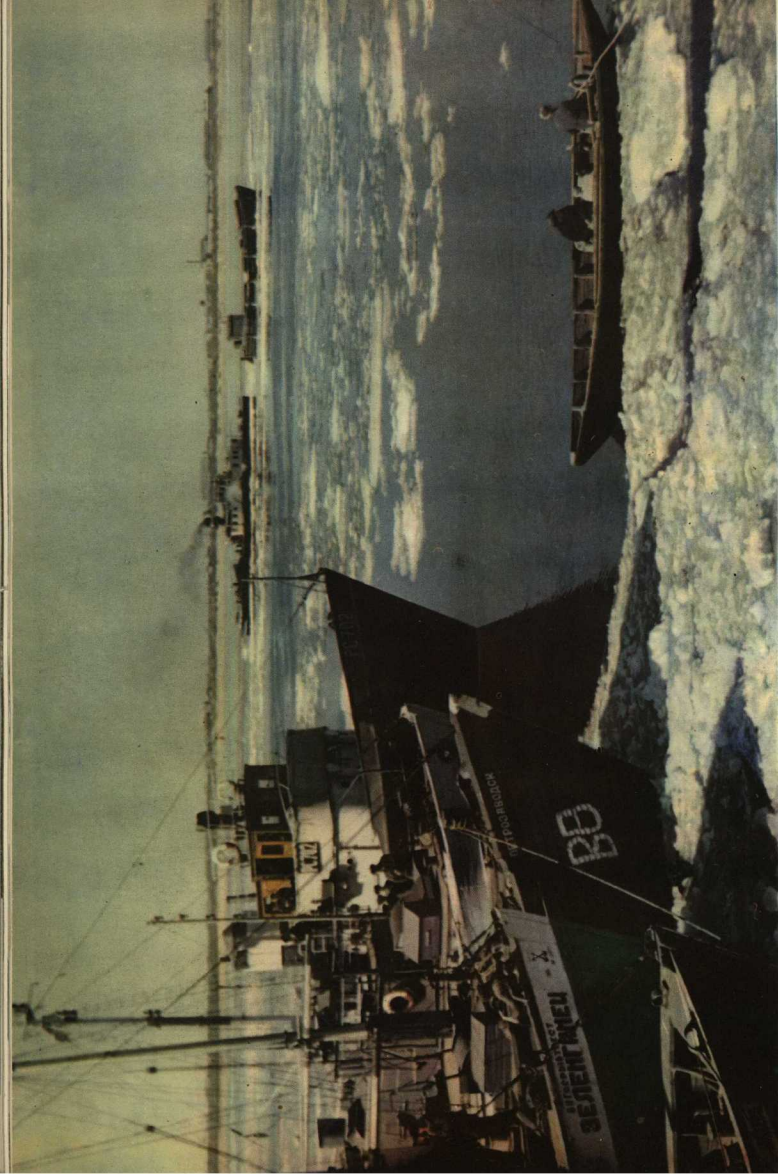
С тех пор, когда на центральной площади Эйслёбена была воздвигнута бронзовая фигура великого вождя и учителя трудящихся всего мира, открылась новая страница в истории Эйслёбена.

Памятник Ленину изучают сест нового мира. В нем олицетворяется сегодняшний день и будущее Германии.

В Петроград.

Дипломная работа А. Логужова.
Киевский художественный институт.

Лерход на Волге.

Фото В. Елисейков.

«Я НЕ МОГУ НЕ БЫТЬ ТАМ, ГДЕ СРАЖАЮТСЯ ЗА СВОБОДУ»

ИСПАНИЯ

Ужель вам смерть судьба определила,
О юности, Испания сыны!
Ужель одно: покорность или могилы,
Тираниа смерти или гибель всей страны!
Где Бог! Или он не видит вас, герои,
Иль стоны жертв на небе не слышит,
Иль тщетно все: искусство Боевое,
Кровь, доблесть, юный жар, честь, мужество
стальной!

Не оттого ль для гибельной игры
Гитару дочь Испании презрела,
Повесила на иву до поры
И с песней, в жажде доблестного дела
С мужикам рядом в битву полетела?
Та, кто, иглой палец уколов
Или заслышав крик совы, бледнела,
По грудам мертвых тел, под зон штыков,
Идет Минерва там, где дрогнуть Марс готов...

Любимый ранен — слез она не льет.
Пал капитан — она ведет дружину,
Само бегут — она кричит: «Вперед!»
И нетикс новый смёл врагов лавину.
Кто облегит сраженному кончину?
Кто отомстит, коль лучший воин пал?
Кто мужеством одушевит мужнину?
Всё, всё она!..

...Испания! такова твой жребий, странник!
Народ-невольник встал за волюность в бой,
Бежал король, сдаются капитулы,
Но твердо знала дерзость радовой.
Пусть только жизнь дана ему тобою,
Ему, как хлеб, нужна твоя свобода.
И все отстает за честь земли родной,
И дух его мучает год от года.
«Сражаться до ножи!» — таков девиз народа.

Видашь трупы женщин и детей,
И дым над городами и полями!
Книжала нет — дубиной, ломом бей!
Пора кончать с незваными гостями,
Но свалке место им, в помойной яме.
Псем кинуть труп — и то велик почет!
Засыпь поля их смрадными костями
И глет оставь — пусть вник по ним прочтет,
Как зацелил свое достоинство народ!..

АЛБАНИЯ

Над скалами Албании суровой
Восходят дым. Вот Пинд из темных туч
В торбене белом, черный и лиловый,
Возник издали. На склонах темных руч
Сельня летящий освещает луч.
Здесь лютый барс в расселенах танцет,
Орал парит, свободен и могуч.
Здесь люди воюють, точно зверь и птица,
И буря, новый год встречая, веселится.

В суровых добродетелях воспитан,
Албанец твердо свой закон блюдет.
Он горд и храбр, от пули не бегит он,
Без жалоб трудный выдержит поход.
Он как гранит его родных высот!
Храба к отчизне преданность сыновью,
Своих друзей в беде не предаст,
И, держащим честию, мщеньем или любовью,
Книжал хватает он, чтоб смель обиду кровью.

Джорджи Ноэль Гордон Байрон, великий английский поэт, родился в 1788 году. У него первые его литературные выступления носили боевой, протрессивный характер. В 1809—1811 годах он совершил путешествие, во время которого познакомился с героической борьбой испанских партизан против наполеоновской интервенции, видел Грецию, собирающую силы, чтобы свергнуть турецких янычар, порабощенную, но не смирившуюся Албанию. С глубоким сочувствием говорит поэт в «Чайлда Гарольде» об этих народах, гневно бичует их угнетателей, в том числе Британию.

Поэма «Паломничество Чайлда Гарольда» принесла Байрону литературную славу и углубила его разрыв с буржуазно-аристократической Англией, начало которому положили еще первые сатиры и особенно знаменитая речь поэта в парламенте в защиту рабочих. Байрон был вынужден покинуть Англию. Он уехал в Италию. Здесь поэт создал ряд выдающихся произведений. Верный своим словам «Я не могу не быть там, где сражаются за свободу», Байрон участвовал в национально-освободительном движении итальянского народа. В 1823 году он переехал в Грецию, где также принимал участие в борьбе греческого народа против турецких захватчиков.

В апреле 1824 года исполнилось 130 лет со дня смерти поэта, умершего на боевом посту в городе Миссолонги. Греция почтила его память как народного героя, был объявлен национальный траур.

Революционная антигосударственная и нелегальная идей стали передовые люди Англии.

Когда фашистская клянка глумилась героя греческого народа Никоса Велонидиса, митинг протеста против этого злодеяния был проведен в Лондоне. возле памятника Байрону. Этот факт — яркое свидетельство того боевого значения, которое имеет в наше время наследие великого английского поэта — патриота и демократа.

«Смеясь» помещает отрывки из нового перевода поэмы Байрона «Паломничество Чайлда Гарольда», посвященные народам стран, борющимся против иноземных захватчиков.

Среди албанцев прожил Чайльд немало.
Он их видал в триумфе бранных дней,
Видал в час, когда он, жертва шквала,
Спасался от бушующих збей.
Тут сердцем черствый мог бы стать черствей,
Но были все дома ему открыты:
Простые люди чут свои гостей.
Мож там у вас, утонченные брнты,
Так часто не найдешь ни кровя, ни защиты!

ГРЕЦИЯ

...Но кто же, кто к святылице Афины
Последним руку жадную простер!
Кто рехщел басенные руины,
Как самый злой и самый низкий вор!
Пусть Англия, стыдись, опустит взор!
Свободных в прошлом чтут сыны свобод,
Но не почтят их сын шотландских гор.
Он, перелья бушующие воды,
В слепом усердии ломал колонны, своды.

Что пощадил время, турок, гот,
То нагдо взято пиком современном.
Бездушный скел отечественных стов,
Кто подошел с киркою к этим стенам,
Кто не проникся трагедия священных,
Коснувшись праха дивной страны,
О, как страдали скованные пленом,
Деля богины скорбя, ее сыны,
Деля видеть и молчать судьбой обреченн!.

Моя Эллада! Красоты гробница!
Бессмертная и в гибели своей,
Великая в паденье! Чья десница
Сплотит твоих сынов и дочерей?
Где мощь и непокорство прошлых дней,
Когда в нерывной бой за Фермопиль
Шла без надежды горсть богатырей!
И кто же вновь твои разбудит силы
И воззовет тебя, Эллада, из могилы!

...И, под плетями турецкими смирясь,
Простерлась Греция, затоптанная в грязь.

Личь красоте она не изменила,
И странный блеск в очах тот народ,
Как будто в нем еще была сила
Неукротимой волиности живет.
Ужас он верит, что не вечен гнет,
Но веру он питает басней вздорной,
Что помощь иноземная придет,
И раздробит ярем его позорный,
И вырвет слово греки из книги рабства
черной.

Нет, Греция, тот разве патриот,
Кто, болатованное возе уполко,
Тирену льстит, покороно шено гнет
И с видом оскорбленного героя
Витязствует и прчется от боай!
И это те, чьи дедов в оны дни
Стрелился перс и трепетала Троя!
Ты все им дашь сумела, но взгляни:
Не любит матери истерзанной оны!

Перевод
В. ЛЕВИКА.

Иван МАНЖАР

Сорока-аспирантка

Басня

Греч, кандидат наук,
Известный эрудирцией широкой,
Знакомство свая
С Сорочкой-белобойкой...
В восторге греч от прелесть сороччиной:
Глаза, как бусячки, звоночек-голосочек,
Во всем изначисте — от шейки до хвоста.
Сорочих ум, сорочья красота
Греча ученого пленяли.
Греч с белобойкой друг друга полюбили!
Теперь они одной семьей живут.

Вот, с горем пополам окончил институт,
Сорока муженьку строчекот,
Что делшше штурмовать науку хочет.
Воскликнула греч:
— Твой замысел хорош!
Терпист, как горюистик, путь в науку,
А все же...
Рука, ты знаешь, моет руку,
То, золотко, со мной везде друзей найдешь!

И собран был совет ученый
Под председательством Ворони.
Сама Ворона выступил
И выдвинул:
Сорочку кандидатуру
В аспирантуру:
«Надежда на Сороку великая!»
Тут многие призвали вступиться,
Что легче от кола добиться молока,
Чем от Сороки толку.
Но обижать Греча, ученого туза,
Не в их обычае... Все голосуют «за»!
Сорока-аспирантка Гречу в руки
Ведь в ней надежда, будущище науки!

«И наша пташечка из года в год
Личу чистит перышки без гора и забот,
Строчекот всякий вздор бесстыдно,
А диссертацию... не видю.»

В. БЕРЕСТОВ.

Виктор КРЮЧКОВ

ЧЕРВОТЧИНА

Речка Шань раскесает надвое город калужский бумажников Кюдрово. С ласковым журчаньем струится она мимо вызолоченных солнцем сосен и густых черемуховых рощ. Берега ее, крутые, заросшие, — излюбленное место встреч молодоженов.

Над рекой сидела двое: широколицая женщина и худенькая светловолосая девушка. Юноша, задумчиво бросавший камешки в воду, внезапно повернул голову.

— Твои глаза, Валья, голубые-голубые. Дай их мне поцелую.

А потом сказал то, чего она так ждала и вместе с тем так боялась:

— Ну, когда же мы поженимся?

Валья отвечала не сразу. Не легко в восемнадцатидесять лет решать такой трудный вопрос. Ласково поглядывая пышные с каштановым отливом волосы юноши, она затворилась:

— Вена, милый, мы же только четыре месяца дружим. Зачем торопиться?

— Да эти четыре месяца все равно что четыре года! Венок мы были вместе в кино, на танцах, вот здесь — на берегу... Я без тебя, что колос без дождя. Слышишь, Вальнош? Ты для меня все!

За четыре месяца дружить Валья узнала много интересного, нового. Вена увлекал ее мечтами о любви, о работе, о жизни. Всегда он был ласков, обходителен. Даже в имени его слышалась ей что-то нежное, светлое, позднее на ветку сирени, которую она сейчас тербила.

— Вальнош, когда?

Валья опустила голову и, чертя веткой на песке буквы «Вз» и «Вз», тихо произнесла:

— Я еще не говорюла с мамой...
— Так пойдём к ней вместе!

— Мать Валья выдухлава их и, глядя испуганно-строго, выдухлава:

— Ой, рано вы нагуляли! Погуляла бы годок — другой... Тебе, милый зиток, только девятнадцать, а Вале и того меньше.

— Ничуть не рано, — запротестовала Вениамин. — Молодость женитьбе не помеха. Любишь ли любовь Валь?

— А еси ли любовь?
— От друзей до любви, говорят, один шаг, а дружить мы с Валей крепко.
— Ну, что ж, я вам перечить не стану...

Уже из комнаты, мать прослезилась, то ли потому что расцеловала то ли чего-то путаясь. Когда молодые люди остались одни, Валья, глядя Вениамину в глаза, робко спросила:

— Это на всю жизнь?

— На всю! — коротко ответил он.

...

Весело зажинк молодожены после свадьбы. Каждый день приносил неповторимые мелочи, которые запоминались, будто значительные события. Вот Валья пережарила котлеты. Встревожившая, заметалась она по задымленной кухне: сейчас вернется с работы муж, усталый, голодный, как отнесется он к ее неудаче? А вдруг сделает замечание? Не успела она ничего придумать себе в оправдание, как явился муж. По торжому чаду, по растерянному лицу женой он понял все:

— Катастрофа в кулинарии? Ах ты, пташка моя... Не огорчайся!

Безоблачное счастье молодых супругов длилось три месяца. Однажды Вениамин пришел с работы и, горделиво улыбаясь, объявил:

— Ухожу в армию.

У Вали дружно сердце, а он совершенно нескетаста замурылкал за него:

— Не ходи солдатоме. Не годи учредюно.

...До стания Говардова ша пепком. Гухо — лунел под ветром сосновых бор. Валентина еле сдерживала слезы. Вот она, первая и долгая разлука. За себя Валья не боялась: она выдержит разлуку, это испытание любви временем. А как Вениамин?

— Мне будет трудно без тебя, — Валья положила тонкие руки на крутые плечи мужа.

Он осторожно снял их и глуховатым голосом, чуть запинаясь, сказал:

— Жди меня, как положено. А главное — не сиди сложа руки, как пташечка.

И Валья стала ждать. Первые дни тянулись из редкость медленно. Раньше ей было непонятно нетерпение подруг, ждвших писем. Сейчас чуть ли не весь смысл ее жизни заключался в этих скромных солдатских письмах-треугольниках, которые она перечитывала по многу раз.

Так миновал год. Валья работала лаборан-

кой, звонко училась и все вечера проводила дома. Подруги часто уговаривали ее:

— Чего ты пригноилась? Живешь, как отшельница. Пойдем с нами в Дом культуры, сегодня наша, танцы.

Валья не хотела идти одной туда, па она былала вдвоем с Вениаминю. Но здравый рассудок подсказывала: почему бы не посмотреть кино с девушками, что в этом предоступительном? И она согласилась.

Через две недели после этого вечера Валья получила знакомый треугольник с крутыми, четкими, словно отпечатанными буквами. Прочла и размыдалась. К ней подошла мать, торопливо зашарила в коробке, где хранились очки, горюла, нашла их и поспешила короткую записку: «Не ходи на танцы, а если будешь ходить, протанцуй музыка».

— Что ты затворила, дочка?

— Мамочка, я ни в чем не виновата... Сходила в кино, так что тут плохого? И так все дома и дома. А на танцах была с его сестрой Люсейю...

Действительно, почему Валье нужно было сидеть взаперти, словно в купеческом доме? Он же сам говорил: «Не судишь, судишь, а душка, как пташечка». Валья никак не могла понять, за что рассердился муж. Она написала ответ, в котором постаралась подробно все объяснить. Ведь дело не в том, что она ходит на танцы, а в том, что она не ходит.

Вскоре Вениамин приехал в отпуск. Никто в Кюдрове не сказал ему про jednu ничего плохого. «Скромная, честная, трудолюбивая», — отзывались о ней на целлюлозно-бумажном комбинате, где она работала. Вениамин держал себя так, будто бы все им забыто. Валья линовала в душе: «Вот видишь? А я ревновала! И все напрасно. Эх ты, чудачко, на кого ж тебя променяю!»

Но когда муж ушел, появились новые неприятности. Письма стали еще короче, еще жестче. Они словно падали польемью. Валья боялась брать их в руки. Вениамин писал ей уже не о прогулках над речкой Шанью, не о любви, не о сосновом боре, где они проводились... Он оскорблял упрёками, угрозами. Вот его письмо, лаконичное до предела:

«Здравствуй, Валья!»

Валья, к Вам придет мой папа, и прошу отдать тебе вещи, и тебе я больше не вернусь. Вениамин».

— Валья водругнула, когда в дверь громко постучали. Так бестерпением стучал только несвое. Видимо, он пришел, чтобы забрать вещи Вениаминю восточном стукуч, дабы не все то, что каждый день напоминало ей о любимом человеке.

Свежор был, как всегда, навеселе. Оглядел комнату, он умыливался:

— Вещи отдавай. У нас им надежнее будет.

— Я не отдам их вам, папа. Это вещи моего мужа. И пока я его жена — ничего не отдам! И зачем вы... так жестоко? Лучше бы Вениаминю обустроили...

— Смысл маулу рудой?

— Ладно, пропала она пропадом. Вернется Венька — пусть сам расклебывает эту кашу. А Вениамин не унимался. Несколько дней спустя он прислал новое письмо:

«Здравствуй, Валья»

С приветом Вениамин. Разрешите пожелать Вам всего хорошего, но главное — здоровья. Валья, прошу тебя, мои вещи мои ролном отдай без всякой задержки, чтобы не было никаких скандалов, так как ты не выдержишь моих требований. Гуляй, как гуляла до замужества. У тебя нет мужа...»

Много слез пролила Валья, перечитывая это письмо. В чем же ее вина? Неужели только в том, что она позволила себе иногда уйти с подругами из дома, что не сидела взаперти? Должен же Вениамин все понять.

И Валья терпеливо ждала, твердо веря, что счастье ее вернется.

Лето прошло года Вениамин Лугунов вернулся домой. Несмотря на угрозы, которыми были полны его письма, он не бросил жену, взял ее к себе в дом. Валья кивнула, что готова и на такую жертву, но вломилась и недовольна. Но не это было казальное...

Вскоре после возвращения Вениамин стал продавать целыми ночами. Возвращался опухший, пьяный, жалко пил из ковша холодную воду.

— По плохой дорожке ты идешь, — сказала однажды Вале. — Одумайся, Веник!

Он стоял перед ней широко расставив ноги, упрямо наклонив голову, и щедил сквозь зубы:

— А твое какое дело? Не мешай мне проводить время, где хочу и с кем заховаю!

— Как тебе не стыдно! Ты упрямка меня только за то, что я ходила в клуб, а сам пропадаешь целыми ночами неизвестно где. Мне из-за тебя невозможно смотреть людям в глаза. Ведь я же комсомолка!

Вениками ирландию сплюснул:

— «Стыдно», конечно... Мне Витка Абросимов рассказывал, чем ты тут занимаешься...

— Абросимов лжет! Неужели ты больше веришь ему?

— Мне друг дороже жем! —

Сказал, как торопом отрубил. А к вечеру опять ушел к своему закарданному приятелю. Миновала еще надежда.

Семья Логунова получила заработную плату. Сектор Вали и Вениками, придя домой, положили перед сексрочью три пачки денег:

— Хозяйничай, маты!

Сексрочь взяла две пачки, а в валлиным денгами даже не прикоснулась.

— Почему вы не взяли мою апарлату, мама?

— Берн ее сама, и можешь готовить себе отселью.

Вале все стало ясно: его никто не дорожит, она чужая в этом доме. Вениками разлюбил и смотрит на нее, как на обузу. Молча собрав вещи, она пошла к дери:

— Я уезжаю, Вениками. Прощай. Сердце твое оказалось червоточинкой. Эх ты...

— Скаторе дорожка! — крикнул Вениками и извогулся в издательском покое.

И Вали ушла жить к своей матери.

Бывшие супрути, которых еще недавно связывали общие интересы на работе, мечты, друзья, теперь, случайно сталкиваясь в проходной, даже не здороваются. Счастье их растаяло, как туман над Шанью.

Почему же так случилось?

Когда комсомольская организация потребовала от Логунова ответить на этот вопрос, объяснить свой поступок, он сначала возмутился:

— Не вмешивайтесь в мою личную жизнь!

Но его заставили говорить, и он заговорил: — Опротеста мне жевать. Придешь домой, а она сразу: где был, да почему пьян? А что я, сам себе не хозяин?

— Но как же иначе? — говорили комсомолцы Логунову. — Своими пьянками, нехорошим поведением ты позорил звание комсомольца, оскорбляешь девушку, которую назвал своей женой.

— Какая она мне жена, ежели и картошку чистить не умеет! И никто не заставит меня жить с ней вместе. Все! Больше я ничего не скажу.

Логунов считает, что его неправда беспокоит комсомольская организация, ведь он живет по принципу «схочу — люблю, хочу — разлюблю». Конечно возможно, что Вениками, вышедший в советское время, никогда не читал «Домостроя», этого документа средневековья, который устанавливал за мужем исключительное право жить в семье судей, хозяином. Но поступил он в отношении к жеве по-домостроевски: «С лежки до порога — вот и вся твоя дорога».

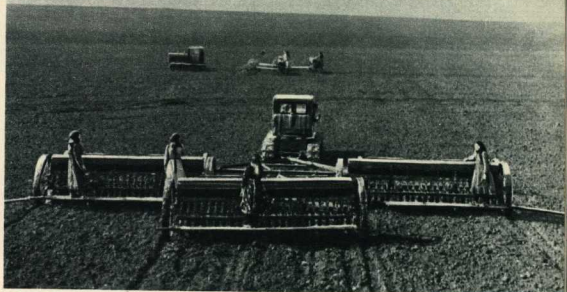
— Промокст! — говорят о Логунове рабочие Колхозского целлюлозно-бумажного комбината. Трудно найти другое слово, которым можно было бы охарактеризовать Логунова и его подражателей. А такие есть. Комсомолец Валентин Голубов избил жеву и выгнал ее зимой с трема детьми на улицу. Бригадир комсомольско-молодежной бригады Лобанов обманул комсомолку Зою Ф., не признал родившегося ребенка своим.

И Логунов и Лобанов кичатся своими производственными успехами, хворами характеристиками. Им кажется, этого достаточно для того, чтобы люди их уважали. Но то толку в ружьяном, красивом языке, если оно с червоточинкой! Можно ли назвать хорошим комсомольцем человека, который в быту ведет себя, как мешанин и обыватель?

г. Пондрово, Кабуноской области.

ВЕСНА ПРИШЛА

Фотоочери А. Коренева и А. Молдцова.

Село, где расположено колхоз имени Г. М. Маленнова, называется Вали Периний. Помолдвис это значит Долина слив. Густые сады и виноградники окружают его с трех сторон, а с четвертой голубеет широкое озеро.

Но не только садами и виноградниками славится колхоз Долины слив. Гордость артели — ее обширные поля, дающие высокие урожаи пшеницы, ячмюрузам, подсолнечника.

На этих полях, занимающих около десяти тысяч гектаров, колхозники в прошлом году собрали перемыло дороги. Но пригрею солнце, и снег как рукой сняло. Земля оттаяла, и черная, влажная, она вздохнула полной грудью, готовая принять в себя семена и щедро, по-матерински, вернуть их золотым урожаем.

По-новому волнует, много обещает нынешняя весна! После решений сентябрьского и февральско-мартовского пленумов ЦК КПСС новые большие задачи встали перед колхозниками. С хорошим радостным чувством вышли на весенние поля трактористы и полеводы.

Кинит в эти дни жаркая работа на землях колхоза имени Г. М. Маленнова. Весенний сев закончен до срока. Зерновые сеют уже сверх плана, на новых, дополнительных площадях.

Сегодня в центре внимания всей колхозной жизни те, кто работает на полевых станках, от кого зависит судьба будущего урожая. Механизаторы, техники, радисты, агрономы помогают колхозникам организовать бесперебойную работу на полях. Каждый вносит свой вклад в большое дело.

В этом году полеводы и трактористы, работающие на землях артели, впервые объединили свои станы: ведь в страдные дни обе бригады работают вместе.

Правление артели не пожалело средств на благоустройство объединенного стана, где разместились третья тракторная бригада Гаврилы Кучичева и вторая полеводческая Влдимира Митнова. Помещение позалозало малаотавы — выстроили новое, в два крыла. Крышу покрыли черепицей. На славу оборудовали столовую, спальню, клубную комнату. На участие вонруг дома насадили молодые деревца.

Полевой стан обслуживают концертные ансамбли, передвижная библиотека, которую каждый субботу привозит на машина сельской библиотеки Зинаида Чельнак. После трудовой работы здесь можно хорошо отдохнуть — почитать, сыграть в шахматы, подготовиться к новой смене.

На помощь полеводам пришли авиаторы. Ранним утром гул тракторов и рожок самолетов сливаются в одну мелодию: аэродром рядом с полевым станом. Отряд сельхозаппаратной авиации готовится к полетам озимых с воздуха. Агрономы и летчики намечают участки. В люки засыпается удобрение. Несколько секунд — и самолет в воздухе. Описав круг, он снижается на флюжок сигнальщика, и шлейф кругообразной пыли мягко оседает на полюс озимых.

Перым просыпается на полевом стане помощник бригадира Иван Стерну. Громко командовав: «Подъем!» — он приступает к водным процедурам.
— Ну-ка песник! — говорит Стерну дежурной по стану Лене Манчевой из второй полеводческой бригады. — Хороша водичка!
Полеводы и трактористы дружно живут и работают дружно. Участок у них немалый: десять полей по 125 гектаров. И с каждого гектара надо снять обильный урожай!

На полевом стане в эти горячие дни все заботы, все разговоры об одном: быстрее и лучше закончить сев, досрочно поднять пары.
Бригадир Гаврилка Кученя сказал соседу-помощнику Ивану Стерну, что у молодого тракториста Дмитрия Куртеева этой ночью были простои.
— Помоги парню, — напутствовала Ивана Бригадо — но и спуску не давай, если что.
И вот Стерну, захватив глыбный ключ и илещи, напавшимся в поле. Он волнуется: дорог нарядный час, а тут простои!
— В чем дело? — спрашивает он, подойдя к трактору. — Флягу динамки отката?

— Целую ночь бился, — смущенно объясняет тракторист Куртеев. — Еле наладил. Да разве Могу я один справиться! Поле не мастерская... Стерну сердится:
— Остави бы самецкича — и бегом за техником... По градику вон где тебе надо пахать, а ты ни с места!
— Техник обязан был побеспокоиться, — не сдается Куртеев.
— Нет, брат, побеспокоиться надо было тебе. Так и запомни! А то получается: на охоту ехать — собак кормить...

Все выше поднимается утреннее солнце. На полях, как бархат, поблескивают неизменные всходы озимых.
Агрономы Иван Челак и Константин Степанов проверяют состояние озимого поля. Склонившись над нерылами, ростками, они на ощупь прощупывают почву, определяют влажность, вычисляют густоту зеленого покоса.
— Надо бы добавить удобрений, — говорит Челак.
И по заказу агрономов над полем появляется самолет. Вот он, снижаясь, идет прямо на участок. Агрономы едва успевают отскочить и все же добрая порция сербистой селитры угодилась им в спину.
Комсомольцы Челак и Степанов — друзья еще по кишиневскому институту. Вместе поступали, вместе окончили. В прошлом году они получили разные назначения: Степанов — главным агрономом в Чатырлунгскую МТС, Челак остался научным сотрудником опытной станции института. Иначе судьба снова свела друзей на поля Далыны с/лва. Иван Челак на три года приехал сюда для опытной работы. Он помогает колхозу.

Сверхгладкий свд вправил! Сегодня, после постановлений ЦК КПСС по сельскому хозяйству, это стало важнейшим делом колхозов. Новая, совершенная техника пришла нынче на поля. Она облегчила труд колхозников, повысила его производительность.

Только на одном из своих полей колхозники сельскохозяйственной артели имени Г. М. Маленкова распахали триста гектаров дополнительной площади, занятой прежде мизанурожайными травами. Теперь на этом поле ранние урожаи.

О четкой организации сверхгладкого свда заботится все — от директора МТС и председателя колхоза до учетчика-рабдиста второй тракторной бригады Николая Пулева. Установив у дорожного столба свой безобразный «Эржойд-1», Пулев азартно кричит в трубку:

— МТС МТС! Главного механизма Шанте не медля плугинерную пару для трактора!

Девушки из полеводческой бригады, пришедшие на помощь трактористам, Светлана Доганова и Лена Младенко, перебивают вместе с учтиком искон разговор. Вот они условно улыбаются: Пулев наконец дозволился в МТС.

Вот и полдень. Ближится время обеда. Неразлучные подруги Лена Ковальдина, Аня Стоева и Вера Панчева, весело переговариваясь, возвращаются после работы на стан. Вера и Аня, как все местные девчата, в белых дубленых понюшках с вышивкой, в темных козырьках, закрывающих лоб и подбородок; Лена, как человек городской, без понюшки, с открытыми ветрам белокрылыми волосами.

Дружбе этих девушек можно позавидовать. Они почти одновременно окончили курсы трактористов и сейчас, во время свда, на своих «МТ-54» выполняют по две с половиной нормы за смену.

Сегодня подруг ожидает радостное событие. На стан приехала автозаваз районного сельпо. Товаров много, цены снижены.

Обычно на стане обедают только трактористы. Полеводы берут еду с собой и располагаются на обед прямо в поле, чтобы не тратить времени на ходьбу.

Но сегодня решено собраться всем вместе: во время обеденного перерыва на полевом стане состоится концерт. Его дает известный в Чатырлинском районе танцевальный коллектив, которым руководит Василий Герца. Истата сказать, все артисты — молодые из четвертой полеводческой бригады, работающей на виноградниках.

А пока артисты еще не пришли, дежурный расставляет на столе посуду. Все весело усаживаются. Хороша наша с бараниной! Про вино и говорить нечего — свое, колхозное! Заслуженная чарна после доброй работы.

Глядящая загорелая лица председатель колхоза Алексей Афанасьевич Попов говорит: — Богато живут наши колхозники. Но и трудя было положено немало. Колхоз ведь мы начинали с одного коня!

Прошло всего два года с тех пор, как четыре артели Долныи слив объединились в один колхоз, а общие результаты! Общий доход укрупненной артели — пять миллионов шестьсот тысяч рублей. В прошлом году сами государству четырнадцать тысяч тонн зерна. На трудяры колхозники получили по четыре килограмма зерна и по четыре рубля деньгами. А в этом году мы надеемся на еще лучше!

«Весенний день — год коренит». Этого максималистский от руни планат радует глаз на всех полях станах. С этой мыслью выходит чуть свет на поля колхозники и трудятся, не теряя ни одной драгоценной минуты.

Эти слова повторяют все. Их знают даже деревенские малыши. Вот они сидят на площадке у колхоза — Георгий и Иванна Кунчевы, дети бригадира. Они вержат никому с картинками и важно рассуждают о ходе весенней посевной, которая так много значит для народа, для Родины и для них самих.

Надежда УСОВА

ЕЁ ПИСЬМА

Рассказ

Они ждали на перроне вокзала поезд дальнего следования. Молодой человек в сером, хорошо отутюженном костюме и девушка лет шестнадцати в simplestом легком для осеннего прохладного дня платье. На краю платформ лежал немудреный багаж студента-механика, увлеченного в свободное время радио и фотографией. В одном чемодане — целая фотолаборатория, в другом — походная радиолка, в третьем какие-то «железки», которые одинаково дороги и в двенадцать и в двадцать лет.

Сдвинув на затылок фетровую шляпу, молодой человек о чем-то думал. Усники на его добродушном лице казались прикрасными.

Рыженькая девушка с увлечением качалась на доске, торчащей из штабеля. Доски остались здесь после какого-то ремонта и теперь служили ей своеобразным спортивным снарядом. Время от времени девушка лукаво поглядывала на задумавшегося молодого человека, рискуя при этом свалиться с доски.

— Перестань! — сердито сказала он. — Надоело.

— Вот еще! Надо быть терпимым к слабостям других, — возразила девушка.

— Будешь к тебе терпимым, когда ты сплошной слабость.

Девушка прыгнула на платформу и, как петух, готовый к драке, двинулась на молодого человека.

— А ну-ка, повтори! — грозно произнесла она.

Эта маленькая перебранка была обычной для брата и сестры. Они никогда не сходили друг друга, порой у них случались серьезные размолвки. Но сейчас ссоры с сестрой не входила в расчеты брата: у него была к ней просьба, с которой неудобно обращаться к матери.

— Ладно, оставим это, — миролюбиво проговорила он. — Мне надо тебе кое-что сказать.

Это было нечто новое. Сестра тотчас заблала о ссоре и все превратилась в слух.

— Слушай, Женя, — нерешительно начал брат. — Должно прийти местное письмо на мое имя. Ты перешли его мне в институт.

— И только-то? — воскликнула разочарованная Женя.

— Нет! Видишь ли... на конверте будет написано не Михаилу, а... Ричарду.

— О! — в глазах Женя загорались лукавые огоньки. — Очередное увлечение!

— Ты не смейся. Это чудесная девушка! Но я знаю о ней всего-навсего, что моя знакомая учится в десятом классе. Она не стала слушать объяснений, не согласилась даже, чтобы мы были на «ты» и имени не сказала...
— Молодец!
— Но обещала все же написать... Так перешлани!

— Конечно, — заверила Женя и спросила с любопытством. — Красивая?

— Да уж не тебе чета! Волосы черные, все как-то, ну... одним словом, все как-то необыкновенная...

Заметив, что идут друзья, Михаил торопливо протянул сестре руку и сказала уже строго:

— Ну, беги домой... Нечего тебе оставаться тут, еще сбавишься что-нибудь... Скрыл обиду, сестра пожала брату руку и скрылась в дверях вокзала.

Женя сдержала обещание, и между ее братом и его незнакомкой завязалась оживленная переписка.

Приведем несколько писем из толстой пачки, хранящейся у Михаила.

«2/IX 1933 года

Здравствуйте, лорд Ричард!

Написала Ваше имя и невольно добавила «лорд». Учень оно несовременно. От него покажиает пасенно средневекового, трухлявого звика и, простите меня, собачья и кошачья. В доме у нас есть пес Артур и кошка Мариза. Но что же делать? Разве мы виноваты в том, как нас назвали? Выражаю свое сожалование и удивляюсь дурному вкусу ваших родителей.

В своем первом письме я хочу ответить на ваши слова, оказанные во время нашей встречи. Прежде всего о любви с первого взгляда. Вас обижает, что я не стала слушать ваших признаний. Но как же можно слушать то, во что не веришь? Подумайте сами: что может привлечь в человеке «с первого взгляда»? Внешность — и только. Но яркая внешность имеет значение только в животном мире. Для человека не это главное. Вы читали Гончарова? Мы сейчас проходим его творчество. Яшла в «Обрыве» замечательные слова:

«Женщина — венец создания, — да, но не Венера только. Кошка коту кажется тоже венцом создания, Венерой кошачьей породы Женщина — Венера, пожалуй, но омыс-

ленная, одухотворенная Венера, сочетание красоты форм с красотой духа, любви и чести, то есть идеала женского величия, гармония красоты!»

Теперь по поводу «ты». Я отвергла ваше предложение быть на «ты» и не жалею об этом.

«Почто «вы» сердечным «ты» Она, обмолвилась, замедленно».

говорится в известном стихотворении, но в жизни от «вы» до «ты» нужно много пройти, много предумать. Не горюйтесь!

Что написать о себе? Не знаю, что вас интересует, помимо моей внешности. Все же решаюсь сообщить, что меня недавно выбрали комсоргом класса. Седоватально, с четверками покомчому. Теперь я должна учиться только на пятерки. Ничего не поделашки! Nollesse oblige!

Желаю успехов в учебе. Пишите мне по адресу: Калуга, главный почтамт, до востребования, Лидия Ржевская.

С приветом, Лидя.

«10/IX

Здравствуйте, Михаил!

Как я рада, что вы Ричард оказались только маской. Готова написать много, много раз подиря ваше хорошее русское имя. Михаил, Михаил! Это вам награда за признание.

Вы пишете, что цитата из Гончарова не выходит у вас из головы, но все же вы верите в любовь с первого взгляда. Нанищит, чем вы это обосновываете. Поспорим. Потом вас удивляет, что мы проходим в десятом классе Гончарова. Я нечотню выразилась: повторю.

Вы просите, чтобы я не употребляла в письмах французских фраз. Мне понравилось ваше признание: «При чтении этой чертовщины я чувствую себя дураком». Самый верный способ заставить человека пополнить свои знания — это дать ему почувствовать, что он невежда. Ряди высшего невежества и не собираюсь отказываться от своих знаний. Я люблю блеснуть ими. Пусть, оставшиеся стараются догнать, помочь им я всегда готова. Сказать по совести, мне нравится, когда кто-нибудь завидует моим знаниям, но эта слабость более простительная, чем ваши усники, которые, кстати, совсем мне не идут.

У вас затише, пишете вы, так как до сессии еще далеко, а у нас самый разгар учебы.

1 Положение объясняет.

Рисунки П. Пинисевича.

Нашим классным руководителем в этом году назначен наш любимый Виктор Иванович Белов, но мы его зовем просто «Витя» (за глаза, конечно). Подумайте сами, Миша, как можно звать его по имени и отчеству, если он всего два года тому назад окончил университет и ему только двадцать пять лет! На своем первом уроке в прошлом году «Витя» явно смущался. Когда он стал задавать на дом, мы кричали: «Ой как много!» «Витя» покраснела и сохранила заданье вдовое. Ум! Теперь он не уменьшает заданий, но мы все-таки его очень любим. Вы, конечно, спросите: за что?.. Прежде всего, безусловно, за знания. Кроме того, как говорит мой подружка Лара, он видит в каждой из нас человека, а не просто объект для воспитания. И мы слушаем его лучше, чем самых строгих преподавателей. Вот, например, наша математика. Она строгая. Чуть-чуть забудь зашугит на уроке, сразу слышится ее сердитый голос: «Тихо!» Она не разрешает, кто прав, кто виноват, и поэтому нам хочется досадить ей еще больше. Не так поступает «Витя». Заметив разговорщиков, он обращается к ним подругнито и говорит: «Вы разрешите мне говорить в вашем присутствии?»... и все смолкает. А ведь он совсем не строг.

Вас интересует номер нашей школы. Это секрет, Миша. Но только не подумайте, что это та школа, в которой учится ваша сестра (бестая, почему вы называете ее до сих пор Женейкой? Сколько ей лет?),

С приветом, Аида.

«18/Х

Миша! Вы пишете, что после моего письма сбранили усски. Ура! Как я рада за вас! Вы теперь уже не ходите на летнюю физкультуру, заданое маленького баловня и домашнего тирана, который не умеет убирать за собой постель или принести дров, но зато в совершенстве научился спорить с сестрой из-за стеноидной его конфеты.

Жаль все-таки, что вы не согласовались с моим мнением об иностранном языке. Забыли читать ваши слова: «Это предмет, созданный специально для мучения студентов». Мне искренне жаль таких студентов, Миша.

Вас удивляет, почему меня интересует ваша сестра? Вы пишете, что хотя «эта особа» и учится в девятом классе, но она «совершенно недостойна внимания». Поче-

му, Миша? Разве она так плоха? Расскажите мне подробнее о ее недостатках, только постарайтесь быть при этом объективным.

Завидую вам, что вы в столице, как мне хочется быть на вашем месте! Я изучала бы Москву вдоль и поперек.

Аида.

«Деревня Гусакки, 10/Х

Здравствуйте, Миша!

Непредвиденные обстоятельства помешали мне ответить во-время на ваше письмо: старшие классы нашей школы выехали в колхозы. В тот день на первом уроке вместо «литературы» появились «Витя» и торжественно объявил: «Девочки, в связи с обиджающимися морозами областной комитет партии обращается к вам с просьбой помочь нашим колхозам в уборке урожая. Что тут поднялось, описать трудно! Все обводилось. Подумать только, нам поручают уборку, нас просят об этом наша партия, как взрослые! Все тотчас пошли домой собирать вещи.

И вот мы в колхозе. Печатающий уйма. Наш класс послали в самый отсталый колхоз. Как комсорг, я собрала девочек и привнесла новую речь, сказала, что мы приехали не на прогулку и будем охвать трудом, особенно безурочкам, но надо пойти о комсомольском долге и чести школы.

В первый день нам поручили веять гречку. Многим из нас показалось, что нет ничего проще, чем крутить ручку веялки. Но очень скоро мы поняли, что это далеко не забава. Сначала заныли руки, потом спина. К обеду умолок сечь, а велака урала, точно требуя все больше гречки. Видя, что девочки с вопирьями устали, я испустила в воздух свои слова: «Пора домой! Но после отъезда работа закончилась с новой силой. Мы хорошо справились с заданием.

Работа у нас идет на славу. Все мои одноклассники стараются, не уступают друг другу. Сначала в колхоз за Лару; уж очно она кружкая, — но если бы вы видели, Миша, как она тычется за другими! На правах бригадира я попыталась дать ей работу полегче, но она выгорез отказалась.

После ужина мы рассаживались на крыльце и пели песни. Часто к нам присоединяются девушки из колхоза, и тогда пенне не смокает допоздна.

Ночи сейчас темные и прохладные. Звездный горит ярче. Кажется, что их стало больше. Порой одно звездочко вырывается и стремительно падает. Мы умоаем и спешим задумать заветное желание. Сменило, конечно, но я верю, что если пропечатать свое желание прежде, чем звезда коснется горизонта, то оно обязательно сбудется. Впрочем, я и так знаю, что мои мечты сбудутся.

Прощайте, Миша. Здесь писать некогда. Напишу, когда вернусь домой.

Аида.

«22/Х

Здравствуйте, Миша!

Вот я и дома! После разлуки все здесь кажется таким милым, даже мамин катус, который вечно раздражал меня своим нелыным видом. Сегодня я устроила ему хороший душ.

Последние дни в колхозе были особенно напряженными, но работами мы хорошо, и правление колхоза вынесло нам благодарность. Если на будущий год школьники опять направят в колхоз, то мы обязательно подем сюда, здесь нам все знакомо.

Видела я вы в Третьяковской галерее картину Шишкина «Полендь»? Она поразила меня ощущением простора. В колхозе и все время вспоминала эту картину. И все время вспоминала, я не была в Третьяковской галерее и знала только репродукцию этой картины, но вы, Миша, обязательно сходите и посмотрите на меня.

Как прекрасна осенняя природа! Если бы и умел рисовать! Представьте себе: лесной ручеек, проливающийся по камням, паутинки и баблалолатая аиства деревьев, а на переднем плане зеленая травка, влажная и блестящая от осенней сырости, и

тучкокаяя полоска реки, точно лента, небрежно брошенная чьей-то рукой. Мы назвали эту речушку «Ленивкой». Стоишь около нее и не замечаешь, что вода течет. На берегах Ленивки пасутся стада ожиревших тучек!

В день отъезда мы обошли все дома и простились с колхозниками. Скушно живут здесь люди, молодежи очень мало, а быть и в работе порой не хватает культуры. И вот, Миша, после поездки в колхоз у меня совсем другое впечатление. Решения я сразу сделала, окончила школу, уехать в какой-нибудь самый отсталый колхоз и поработать там годика три в избе-читальне. Это будет интересная работа, требующая настойчивости и выносливости. Трудности, которые меня ждут, я хорошо представляю, но мое решение от этого не поменяется. Кто из нас не мечтает о героических подвигах, кто не хотет бы стать Олегом Кошевым или Зоей Космодемьянской! Принаказов, мечтает об этом и я. Но как поступила бы Зоя в наше время? Я думаю, она отдала бы все свои силы делу, самому нужному, самому важному делу для страны. Это было бы труд для колхозной деревни.

И уже сказала о своем решении маме и маме. Представьте себе, Миша, они не стали возражать. Это меня даже удивило: ведь наши родители так редко соглашались с нами.

Аида.

«6/Х

Добрый вечер, Миша!

Ваше последнее письмо потрясло меня, о чем вы, наверное, и не подозреваете. Не могу забыть то, что вы написали о своей сестре... Премуд! Да потому, что у нее, оказывается, много достоинств, которые меня ждут. «Эта задира не видит разницы между прямой и грубостью, между лаской и тактом. Свои дерзости и грубые замечания она считает пристойной, а вежливость распущенности, как ласку. Даже со взрослыми она держится вызывающе, считая себя ужасно умной и начитанной. Из-за этого ее никто не любит...»

Да, вот поэтому и меня никто не любит. И не сразу согласившись. Уже некую неделю размышляла над тем, что вы написали о своей сестре, и мысленно сравнивала ее поведение со своим. Когда мама просят меня вытереть мебель, я прямо и откровенно высказываю ей свое мнение по этому вопросу: дескать, пора бы отказать себя от такой грязной работы и купить пылесос. Мама молча берет тряпку и вытирает пыль сама. Как все взрослые, она не терпит возражений. «Ну и пусть вытирает», — думала я в таких случаях и считала, что поступала правильно.

После вашего письма впервые пришлось задуматься над содержанием слова «такт». Очевидно, я была неправя в своих отношениях с мамой и что вы, конечно, хотели многое пересмотреть, исправить.

До свидания, Миша. Не сердитесь на меня за это стучное письмо и напишите, что вы думаете о моих покаянных словах.

Жду ответа.

Аида.

«5/Х

Поздравляю Вас, Миша, с наступающим праздником!

Сегодняшний вечер я посвятила письму. Написала два в наш колхоз одно хозяйство, у которой мы жили, другое — предсодателем, ушла более официально, от имени всего класса. Затем по поручению мамы поздравила всех родных и в заключение пишу вам.

Я очень рада, что мое решение поехать после школы в колхоз горячо одобряется К. и вашей мамой и что вы одобряете его. Но жаль, что среди нас не нашлось скептиков. Неужели втроем вы не можете убедить одного-единственного скептика Гришу? Передайте этому Гришу, слышному у багровых деревьев, следующее: «Спасибо тебе, не испугавшись трудностей. Студка, он ведь, что я через полгода сбегу? Скажите ему: человек, который едет в деревню с твер-

дым решением работать, не захандрит, не опустит руки, если даже будет очень тяжело вдали от друзей и привычной городской обстановки. Мы знаем, что люди, твердые духом, всегда и везде: в гудидре, в тайге, в пустыне, — в любых условиях никогда не теряются и ведут за собой других. Я очень хочу принадлежать к этой категории людей.

Вы, очевидно, забыли, что у нас кончилась первая четверть, и не спрашиваете меня об отметках. Придется похлопать себя: по всем предметам я могла «пять». Я так называю крупную отличницу первые в жизни. До сих пор вечно кака-нибудь четверка, а то и тройка все портит. Увидел мой табель, мама растрогалась до слез.

Привет всей комнате.

Лида.

<10/XII

Ура! Сегодня я начала конькобежный сезон. А вы, девочки, сидите, наверно, дома и грустите о лете. Не спорьте: ничего нет лучше зимы! Сегодня ночью оттепель сметилась морозом, на карнизах домов повисли хрустальные сосульки, а утром в них заиграли несмелые декабрьские солдцы. Вызывая вашу команду на соревнование по количеству посещений катка. Стаскивайте Грину с кровати (без телевизора я вижу, как он развалился на подушках) и отправляйтесь на каток.

Попугуйте ветра, товарищи!

Лида.

<10/I 1954 года

Здравствуйте, Миша!

Поздравляю вас с хорошим отметками. Вы лучше учиться нужно только на отлично.

Итак, вы скоро приедете, и мы увидимся. Может быть, наша встреча разочарует нас, вы покажете о времени, затраченном на нашу переписку. Пусть даже будет так, но я уверена, что она помогла нам обоим стать лучше, искреннее и даже умнее. Чтобы вы слушались, мне кажется, что между нами возможна прочная дружба. Не важно, что у нас разные характеры, я предлагаю вам свою дружбу.

Итак, в день приезда вы придете к шести часам вечера в Ленинский сквер, к фонтану, и мы пойдем с вами на семича-

совой сеанс в кино «Ударник». Не опаздывайте. Я люблю точность.

Лида.

«Часовая стрелка медленно приближалась к шести. Как хорошо, что Женя куда-то убежала. Это было очень кстати: Михаилу не хотелось уходить при ней. Правда, в этот приезд сестра не дожидала его на площадке. Но все же ее колючие глаза мешали Михаилу, когда он останавливался у туалета стоика. Можно подумать, что сама она никогда не глядится в зеркало.

Надвиг шалун (не идти же на свидание в шапке), Михаил вышел из дому.

Вот и Ленинский сквер — самая красивая в городе. Крутом ви души. Утром шел снег и покрыва белыми пышиными подушками скамейки на площадке у фонтана. «Неужели не придет?» — с тревогой подумала Михаил. Еще раз огляделся по сторонам и заметил приближающуюся в сумерках фигуру девушки. «Она!» — мелькнула радостная мысль, но тут же послышалась голос сестры:

— Вот и я! — Женька, зачем ты здесь? — сердито спросил Михаил. — Только тебя и не хватало!

— Во-первых, не Женька, а Женя, — важно заметила сестра, — а во-вторых, мы же договорились встретиться. Не врешь! Вот твои письма, которые ты послала мне, хотя и адресовала их до востребования на имя моей подруги.

Михаил молчал. Так вот чья это рук дело! Но странно, почему-то не было той обиды, которую вызывали прежде выходы сестры-непоседы. Ведь перед Михаилом стояла та, с которой он за эти полгода привык делиться самым сокровенным и, самое главное, чье превосходство, правда, после долгой борьбы, признал над собой. Впрочем, последнее Жене не так уж обязательно знать.

— Ну, — нарушив молчание, проговорила Женя, — жалко, наверно, что истратил деньги на кино?

— Напротив, — с улыбкой ответил Михаил, — билет предназначался для моей корреспондентки. С ней я и пойду.

Михаил взял сестру под руку, и они в смущенном молчании зашагали к кинотеатру.

«В сиреневом саду»

Чудесный весенний день. Солнцем залиты сад, крысы цветущей сирени, ярко освещен восточный дом отдыма. Звучит веселая музыка. Приветливая женщина с букетом цветов приглашает зрителей прийти в «Сиреневый сад».

Так в Московском театре драмы и комедии начинается адовый вечер Солдара из сиреневом саду» (постановщик спектакля — А. Плотников, композитор — Н. Богословский, балетмейстер — Г. Шаховская, художник — Г. Лебедева).

Яркие краски декораций, обилие света, ослепительный танец, стремительность сценического действия — все создает в спектакле атмосферу молодости, праздничности, веселья. Это ощущение еще более подчеркивается тем, что подлинная героиня — молодая, что в той женственной борьбе, которая показана в пьесе, побеждают справедливость, честность, прямота.

В доме отдыма «Сиреневый сад» проводит свой отпуск инженер Константин Русаков (художник Тамара, артистка театрального института Гая Бородина. Все они простые, хорошие советские люди, умюющие после напряженного труда весело, разнуто отдохнуть. Однако молодые герои не могут равнодушно проходить мимо некоторых недостатков, замеченных ими в работе дома отдыма.

В «Сиреневый сад», по выражению санитарки Аграфоновой, проникли разные «жучки». Это подвигмущивший перед начальством директор дома отдыма Душечкин, его родственник в должности «братско-хозяйки», заведующий продажей Зубрик, заместитель директора Шок.

С сатирической заостренностью, средственным ведением, театральной искренностью и чистотой, похваляет их умение маскироваться и изворачиваться, принициваться бескорыстными. В этом подлинная находка театра, ибо действительно «кормить говорит на всех языках и иврать всякие роли, даже роль бескорыстности».

Много остроумия, выдумки проявляют Русаков, Тамара, Гая Бородина, помогающая молодой врачу дома отдыма Наде Ревской и санитарке Аграфоновой в их борьбе с Душечкиным и его приспешниками. Убогой философией Зубрика: «Я вам — капитрчик, вы мне — вагончик» — противостоит моральная чистота, цельность, душевное богатство положительных героев водевля.

Театр сумел добиться в спектакле большого единства и гармонии актерского коллектива. Особено хочется отметить А. Полниного (Душечкин), К. Агеева (Шок), К. Фролова (Аграфонова), Е. Бабин (Тамара).

Хорошо исполняет роль Гая Бородиной молодая, несомненно, способная актриса Л. Бузарова. Однако в сценках, где она изображает жену ответственного работника, хочется пожелать актрисе большего проникновения в психологию образа. Убежденно играют свои роли Ф. Шибеева (Зубрик) и А. Волгушова (Мадаля). Несколькo правдоподобно, чисто внешне решены образы Рыбцева (артист П. Гольштейн), Константина Русакова (артист Э. Баренс), Ревской (артистка М. Докторовна).

В спектакле есть моменты, повторяющие эффективные приемы. Но, несмотря на недостатки, спектакль горячо принят зрителем. Веселый, жизнерадостный, содержательный водевиль на сцене Московского театра драмы и комедии, — безусловно, положительное явление нашей театральной жизни. Смысл разит все отличие с не меньшей силой, чем грозное обличение, он убивает жажду и «жучков» из «Сиреневого сада».

О. КОНСТАНТИНОВА

Галля — артистка Л. Г. Бухарцева
«Я ему должна объяснить... Костя милый, родной мой!»

Шмшмш — артист Г. М. Ронинсон
«Я в нашем центре областном Ситалас лучшим игроком...»

Агафеева — артистка К. Г. Фролова
«Возьмите путевку, приезжайте в «Сиреневый сад»...»

Душечкин — артист А. К. Полинский
«Рыбка рыбака видит издалека...»

Тамара — артистка Е. Н. Бабич
«Можете пользоваться! Вот вам первый сигнал!»

Зубрик — артист Ф. М. Шишов
«Я вам напролочки — вы мне вагончики!»

Мадлен — артистка А. М. Белоусова
«Ничего, мы еще поборемся, гардеробом я ее доделаю!»

Сцена из III акта спектакля «В сиреновом саду».

Фото М. Демиховского.

Платье и лету.

Фото Е. Тиханова.

Начнем, как в сказке. Жил-был один холостяк приятной наружности. Ума у него было ровно столько, сколько нужно человеку для полного спокойствия. И, как это часто случается, довелось однажды холостяку узнать, почему фудит лиха. Вызвали его как-то в заводоуправление и говорят:

— Дорогой товарищ, придется тебе съездить на стройку, в большое дело помочь. Поезжай-ка, товарищ, размотри свои косточки! Холостяк приятной наружности, которого звали Карел Матек, не сказал ни «е», ни «ме», пожал плечами и отправился собираться в путь-дорогу.

Карел Матек, бухгалтер, больше всего на свете любивший свою работу, слыл затворником и боялся не столько трудностей, ожидавших его на стройке, сколько того, что ему придется вращаться в среде ненамных людей. То ли дело — завод! Тут он обаялся, имел свое личное кресло, стол, ложку и вилку в походской столовой. Каждая вещь имела свое название, и жизнь текла, как по маслу. И адрут — извольте радоваться!

са! — поезжай куда-то к черту на кулички!

На следующий день он шагала по ухабистой дороге, наслаждаясь утренней прохладой, ароматом цветов, пенным чаем... «В бухгалтерии ничего этого нет», — думал он, — только вот интересно, сколько мне еще топтать? Что-то и ботинок жмет, и чемодан вроде тяжелый стал... А пока он размышлял, его обогнала легковая машина «Татра» и остановилась неподалеку. Из нее вышел человек в клетчатой рубашке, а кепке блином, на первый взгляд рабочий. Матек спросил его:

— Далеко ли до стройки, товарищ?

— Рубой подари! А вы вот что, садитесь-ка в машину. Шофер подвезет вас. Ему все равно по пути.

Когда человек в кепке саркался на виду, шофер поинтересовался пассажирку и спросил:

— А ты кто будешь? Зачем на стройку едешь?

— Я Карел Матек. Еду на временную работу, — ответил просто-сердечно бухгалтер, глядя, как за окном машины мелькают деревья,

Иржи МАРЕК

КАК БУХГАЛТЕР НАШЕЛ СВОЕ СЧАСТЬЕ

Рисунки Л. Вротагы.

и мысленно принадевая, насколько он сократит себе дорогу.

Ехали они, ехали и подыехали наконец к воротам строительства, где их остановил вахтер. Шофер, известно, как и все шоферы, охотник до всяких шуток, сказал охраннику:

— Чего задерживаете? Я товарища Матека везу!

Как услышал эти слова вахтер, шелкнул каблуками и вынул под козырек. «Ого», — подумал Матек, — вот это обхождение! Наверное, вы здорово нужны рабочим. Вот они и радуются моему приеду».

Как только «Татра» миновала ворота, по всему строительству поднялись невообразимые свисты. Вахтер подполз к телефону и гаркнул: «Приехал!» Долговязый, сухорукий человек на другом конце провода, услышав это громкоглавое «приехал», вылетел из канцелярии, как пробка.

Сухорукий — тоже, кстати, бухгалтер — вел порядочный, размеренный образ жизни.

Но главный инженер, узнавая в Прагу — он нечто мотался по разным командировкам, — как бы между прочим заметил:

— Смотрите, бухгалтер, в оба! Все надежда на вас, Иди по времени моего отсутствия приеми новый директор — ну, этак... на рабочем, понимаете?... так уж вы окажите ему надеждный прием. Это один из тех, у кого зоркий глаз и острый нос. Смотрите, чтобы все было шито-крыто!

Всю ночь после этого разговора сухорукий бухгалтер не мог сомкнуть глаз. «Директор... на рабочем... сверлю у него в мозгу!» — С таким шуткой вложил. Такого на кривой не обидеть... Только все равно я его переживу. В детях да в друзьях и мастах! А он что?.. Вот от этого нежки мы и будем танцевать. Надо только приказать вахтеру, чтобы предупредил заранее».

Сухорукий бухгалтер поспешил навстречу «Татре» по грязной дороге, то и дело поправляя нарукавники, которые он всегда подтрупывал, как это и полагается заправскому бухгалтеру. Небось, он основательно выдал, из него вылез молодой человек и стал опираться по сторонам.

Погляди, поглядяди... бормотал, шатая бухгалтер, — небось, дядя того тебе сюда и послал... А ведь мола Эда, до чего нынче пропавший народ!

Чем ближе сухорукий бухгалтер подходил к кирпичному директору, тем утише становилось выражение его физиономии, но когда отутылся лицом к лицу с приезжим, сделался совершенно неузнаваемым. Он шаркал ножкой, бес-

прерыво подтыпывая нарукавники. Гость совсем онемел от такого обращения. Давбы не вести кого-нибудь в заблуждение, он тотчас же отпрямокнулся:

— Карел Матек.

— Какие могут быть сомнения? — закричал бухгалтер. — Что вы, что вы! Мы ждем не дождемся! Все уже давно готово.

— Карел Матек.

— Что-то не то...

— То есть не то, чтобы мы как-то специально готовились, — поправился бухгалтер. — Мы, и бы сказал, всегда с вами и блещем, всегда готовы! Прощу поскорейше в управление! А что касается ухабов, так уж не выщипте. Стройка есть стройка. Когда-нибудь и до них доберемся.

— Боже мой, да ведь без этого не обойдется! — вежливо парировал изменения Карел Матек. Он шел за долговязым бухгалтером, не чувствуя под собой земли. Говорю по правде, ему поправилось, то что его ждали, смущало только чересчур пышный прием. Он осторожно спросил:

— А они звонили вам, что я приеду?

У бухгалтера это тоже оборвалось внутри. «Ну и вопрос!» — подумал он. — Выручайтесь, как хо-

чешь! Сказать не авонял — нельзя. Сказать зворили — тоже нельзя.

— Ою, знаете... заговорил сухорукий бухгалтер, стараясь обийти прямой ответ на вопрос. — Какое сведение у нас было. Главный инженер очень сожалел, что не сможет встретить вас лично.

— Ой-ой-ой, — улыбнулся Матек. — Это что у вас обычай так встречать?

— О, да! В интересах вежливости мы ни перед кем не оставляемся. Кстати, инженер говорил, что был знаком с вами раньше.

— Ну? Что-то не помню. Хотя, знаете, у нас в конторе столько народу бывает, что не муарено и забить...

— Да, да, да... начал заикаться бухгалтер. — Разумеется, конечно... Одно слово — Прага! А тут... Эй Что и говорить!

Беседуя, как глухой с немим, они подошли к порезанному барку, в котором располагалось управление строительства. Тут-то бухгалтер и пристлился к осуществлению своего «кльдовского замысла» совершено мигнувшей ночью. Изобразив на лице сладкую мину, он застректал:

— Не желаете ли осмотреть книгу текущих расчетов? Или, может, вам угодно просмотреть хозяйственные отчеты? Буайте любезны. Я к вашим услугам.

И бухгалтер развер перед ошеломленным гостем пучину карточек, накладных, балансов.

В душе он торжествовал победу. «Погляжу, — думал, — этак многозначительно на бумаги, изреку что-нибудь о трудовой дисциплине — и дело в шляпе!.. О, мелик, мелик, возмут палды не обидеть! Я, брат ты мой, с образованием!.. Но что это? «Рабочий директор» берет в руки баланс за балансом и говорит с умиленьем:

— Ужасно люблю все эти штуки...

Бухгалтер заморгал глазами. — М-м... да... Вы, простите... вы извольте разобраться в нынешнем деле!»

— Еще бы! — воскликнула гость. — Это моя слабость! Знаете, когда в конце месяца приходится составлять баланс, а доходы превышают расходы, так, ай богу, прямо клещать хочется от радости!.. Эх, утешай б мою душу, показывай бы еще ведомости!

Внепущив в бумаги, гость то подраивал их, то просто ласкал глазами, а долговязый бухгалтер стоял чуть поодаль, испытывая удивие. С одной стороны, ему

было приятно, что он встретил росточную душу, а приехавшим, с другой — он опасался, как бы директор, чего доброго, не впадал на какой-нибудь пролет или опуску: уж больно он ловко маневрировал бумагами, видимо, чувствуя себя в своей стихии. В конце концов дружеское расположение взяло верх. Присл на стул, ой вместе с гостем стал копаться в бухгалтерских книжках, радуясь каждому удачному отысканью и жалуюсь на вечные реорганизации, портящие кровь всем бухгалтерам. Сокрушался он и по поводу того, что неосознательные люди не ставят

бухгалтеров ни в грош и называют чернышными душами, а то время как бухгалтер — голова всему!

И было им обоме очень хорошо. Они упилились сводками и отчетами, хлопали друг друга по плечу и ворковали, как два голубка. Времени делело незаметно.

Однако мы совсем забыли о человеке, который так любознательно рассуждал Машеку место в машине.

Человек этот тоже ехал на стройку. Вышел из машины, он пошел задним. Таков уж был его обычай: пока не совсем сыксы с новой должностью, он не хотел вляться на машину. Да и потом некогда было прогуляться пешенком в погожее осеннее утро.

Подходя к боковому воротам строительства, он увидел в проходной старичка, противившего трубку, подумал: «Ну, сейчас приобрету трубку». Но дел так много, усмехнулся, окинул глазами забрызганные грязью сапоги и загворчал:

— Ну что, орелки, небось, через главные ворота не охота идти, а? Пошел, понюхай. Времени столько... Кому интересно схватить выговор? Это тышо. Ну, валий, валий...

Не обрадовался «орелки» ласковости деду, протестерегающе сказал:

— Видно, панасин, у вас обит богатый. Только что бы вы стали делать, если бы вместо меня пришел дежурный по охране? Смотрите, соседки новый директор может напугнуть.

— Оге-ге, орелки, нам на это начихать! Этим нас не испугаешь! — Старик тыательно прогуд трубку. — Забуй себе на носу: директор всегда ездит в машине. Мы, народ почтеннейший, это доподлинно знаем. Ну, ступай с богом!

Человек в кепи поблагодарил деду за ипанустение, распрощался и отправился дальше. Идет и думает: «Вот так порядки! Стройка небольшая, от неготра далакотово, и видно, пригнрелся тут всякие людочки. Ладно, поживем — увидим!» Спустившись по крутому склону, он повернул к складу и, не раздумывая долго, открыл дверь.

— Привет, дружище! — обрадовался он к кладовщику. — Как это тылу раздобыл?

Кладовщик взвизнул на незнакомое человека поверх очков и пробурчал:

— Тебе что, на подносе ее, что ли, подать? Сам бери.

Незнакомцем окинул взглядом склад, покатал головой:

— На что мне эти жестянки? Ты давай толковую, шведку...

Кладовщик тяжело вздохнул, но все-таки принес откладку из дубер складу «толковую шведку».

— А теперь свалибась вон из дубер и напильных прихватки, чтобы было чем точить иезу.

Кладовщик снова встал за ящиками. И пока он там охал и ахал, проситье шути ради свуча себе в карман пару отверток — и пмыг за дверь!

— Э-э-э... постой, постой! — закричал кладовщик. — Ишь ты какой быстрый! Во всем, брат, должен быть порядок.

— Что правильно, то правильно! обрадовался незнакомцем. — Записный все, что выдал.

Кладовщик оскорбился: — А чего ты учишь меня? Хватит и фамилии! Как там тебя?

— Машек — мой фамилия.

— Ну и все! Вот тут вот чиркни и пили себе сколько влезет.

В дуберх гость обнурился: — А что с этими, с овертками, усудили-устрели не произвожди?

Кладовщик только махнул рукой:

— Такая, брат, усудка-устреска, что только держись! Вон, поглядя: полный ящик был, теперь ни одной! А вообще у меня полный порядок. Смотри, сколько поди-сеи! Целая книжечка!

Человек в кепи вышел из склада. «Подойти через главные ворота, — думал он, — давай бы управленцы расписывали мне, как они бойко выполнили план, пора-

жались бы, отчего это у них такие большие накладные расходы, и пелись бы на несовершенство рабочих... Чтобы не гаскаться с тяжелой ношей, незнакомцем упрятал ее под дерево, оставив при себе только топорик. С топором за поясом, в запыленной с дорожке одел он и впрямь походил на заправского плотника.

Не успел сделать и десяти шагов, как заприметил трюх парней: у каждого на плече по доске, а у одного в руках еще и ведерко с дегтем. «Куда это они тапал доской? На что они ишь?» И пошел следом за парнями.

Перешагнув через поваленный забор, парни начали спускаться вниз, к реке. Незнакомцем начался из двухэтажного свескрусобитного дома. Один ни дать, ни взять — тяжеловес, правый глаз прищурен, на лоб ухаарский куб свисает. Другой — маленький, юркий. Третий — черныш, как пер, с большими бегающими щипавскими глазами.

— Здорово, ребята! Не надо ли помочь?

Компания недоброиво ослдела незнакомца.

— Помочь? Это можно... Смейте тебе записали? — спросил кубаты.

Человек в кепи недоумело по-смотрел на него. Парни расхохотались.

— Эх ты, строители! — заметил маленький, юркий парень. — Ты что, с яеба свалился, что ли? Надо так обгнать дельце, чтобы смету тебе обязательно записали. Иначе денежки твои-то! Запншт, потом можешь смываться хоть на целый день. Мы вот и денежки не упустили и дом вот какой успели от-строить. Ты нам пригодишься Сегодня как раз нет одного чудака. Так что, если хочешь, валий работай. Мы в долгу не останемся.

Только что, никакими юрками Парнавилась — заплятнул, не поправившись...

— Ладно, — согласился незнакомцем. — Только скажите, ребята, делайте вы тоже на стройке работы? Обладатель щипавски ела захихикал, а маленький, юркий отрицательно покачал головой:

— Нет, зачем брат? На стройке все материл сам в руки плавил! Поняк?

Четвертым они привалясь за дело. Скоро незнакомцем покорила сердца парней ловкостью и споривостью, и они разговорились. Оказалось, что на стройке есть разные виды, — думал он, — давай же поворекнем, а такие, которые целыми днями поивют лодыря.

В обещанный перерыв они отправились в столовую. Парня заакали колбасы, рому, шпиз и закуски, стали уговаривать ловкее втиснуться в толпу разбитых и выйти из столовой незаметно.

— Мы тебе добра желаем... убеждал загорелый парень. — Со всеми вышешел и парадок! Ни-кого и не заметишь, что тебя подлая не было на работе. Ну, пока! Не забывай нас.

— Не забуду, не забуду, — твердил приезжий, держа тут к управлению строительств. И — бываю же такие чудеса! — пришел он туда как раз в то время, когда два новых притейла-бухгалтера, очарованные друг другом, стоя в дуберх, обнимались рукопожатиями.

— Вы оказали мне столько чести! — шепетал долговязый. — Я так счастлива, пан директор!..

— И я, а тоже, пан бухгалтер! Только вышешел и парадок! Ну, что же! Да за скромность? Ведь пан Карел Машек — это вы, не так ли?

Холостик кивнул головой. Тут к ним подошел человек в кепи, а мройой отрубил губашку по поводу. Подошел и улыбулся:

— Какое совпадение! Я тоже Карел Машек.

При виде одиофанамыла холостик новосписанный строител, пригнетиво улыбулся, сухояркий бухгалтер почувствовал тошноту.

— Машеков много, — как бы извинился, продолжая пожимать плечами. — Простите, маж, покаждатся, к главному инженеру. Я новый директор стройки.

Сухояркий поспелел, затрясся всем телом.

— Простите... Э-э-э. Но... вот, вот пан директор! — Он у указал на бухгалтера Машека, который утично ответил:

— Никак нет, я бухгалтер Машек. Я привалясь к временную работу, немного повармять кости, как сказали мне на заводе.

Сухояркий глухо асталона и схватился за сердце.

— Да, кстати, товарищ Машек, я вижу, вы только что из бухгалтерии. Не скажете ли, в каком там состоянии дела?

— В прекрасном! — восторженно ответил Машек. И хорошо сделал, что ответил именно так, потому что его коллега находился уже под угрозой удара. Слова Машека несколько приободрили беднягу.

— Я не ожидал... слабо простонал он.

— И я не ожидал, — соизволил директор. . . .

Все кончилось, как в сказке. Дедушка, что дежурил в проходной, ушел на пенсичо, так как заслужил ее. Кладовщика перевели на бетонные работы, дабы он честно зарабатывал свою пенсичку. Тех, кто засвистал строителям фальшивые рабочие часы, убрали вон. От трюх молодых осталось на стройке одно лишь впечатление: поминание Дом, построенный ими, передали соседней школе. Что касается холостика принятной наружности, то он стал заправским строителем и старинно бордается тем, что у него, восторгом одиофанамы фамилия. Словом, каждый получил по заслугам.

— А что сухояркий бухгалтер? — спросит читатель.

На расхотел он купить себе новые наруквины.

Вот и сказке конец.

Перевел с чешского

Игорь ИВАНОВ.

УЦИНАДА

Виктор ГОРОХОВ

На земле уцинадских крестьян американцы устроили полигон.

В одной из хижин японской деревни Уцинады справляли «боненкай» — проводы старого года, самый торжественный праздник в году. Сидя вокруг «кэбата» — пеньки, вделанной в пол, — хозяева и гости пели любимую, знакомую каждому японцу песню «Родная земля»:

Японское море, куда они ходят на промысел, чтобы прокормить семью, которых не может накормить вдали японская земля.
...Как там мои родители, как мои братья!
Нет ли перемен?
Пусть там хлещет дождь, пусть лютует ветер.

...Как там мои родители, как мои братья!
Нет ли перемен?
Пусть там хлещет дождь, пусть лютует ветер.

...Как там мои родители, как мои братья!
Нет ли перемен?
Пусть там хлещет дождь, пусть лютует ветер.

...Как там мои родители, как мои братья!
Нет ли перемен?
Пусть там хлещет дождь, пусть лютует ветер.

...Как там мои родители, как мои братья!
Нет ли перемен?
Пусть там хлещет дождь, пусть лютует ветер.

Юноши, пробравшись за колючую проволоку, несут с моря морскую икалусту.

О эти горы, по которым мы бегали за тайдами,
О эти реки, по которым плыли наши лодки!
И сейчас, как живые, восторг воспоминания
О незабываемой родной земле!..

Крестьяне пели про горы, а видели свою родную долину, свой клочок земли. Пусть он мал, этот клочок, всего два-три тана, но он свой, родной. Рыбаки пели про быстрые реки, а видели свои лодки на серо-желтых прибрежных дюнах Уцинады и бурнов, темное

На родине лучше...
Эту песню им приходилось петь с грустью, когда они бывали в армии, в разлуке с отчим домом, когда их гоняли по чужим краям, городам и селам. Сегодня песни поется с радостью — в этот «боненкай» они у себя, в деревне, на родной земле, их братья и родители рядом.
Потягивая «сакэ» — рисовую водку, — хозяин, пожилой крестьянин, обратился к гостям, студентам и железнодорожнику, при-

Несмотря на запрет, рыбаки спускают в море лодку.

станет местом удивительных для Японии событий.
События в Уцинаде начались вскоре после «боненкая». В феврале крестьяне узнали, что их земля по распоряжению японского правительства будет отчуждена под американский военный полигон.

Для того, чтобы подсластить эту горькую весть, в деревню собственной персоной явился министр Хаяси. Он заявил, что земля Уцинады нужна правительству всего на четыре месяца, обещал выдать компенсацию. Но жители деревни не хотели компенсации: не нее долго не проживешь. Горе, постигшее сотни японских деревень, гор, о котором уцинадские крестьяне знали только понаслышке, теперь пришло к ним самим. Но они все же поверили министру...

Прошло четыре месяца, но земля никто и не думал возвращать. Потрясенному деревню мелись грузавины с американскими солдатами, попрережному ключая

Крестьяне крушили ограду полигона, никого не спрашивая, воздвигали свои посевы риса. Рыбаки прорывались к морю и без разрешения непрошенных хозяев — американцев — спускали лодки к запретной зоне.

Голдиро в доме. Но еще хуже будет, если американцы отберут землю.

Проникнув за проволоку, крестьяне начали обработку своих земель.

Жители деревни преградили грузовикам путь к полигону.

Американцы установили на полигоне дальнобойные орудия для испытания снарядов и экип, по которым можно было корректировать стрельбу. 15 июня 1953 года они начали стрельбу, а на следующую утро увидели потрясающую картину: по всей длине

На помощь взрослым на шоссе вышли дети.

полигона в самых опасных местах выстроились крестьяне, защищая своими телами свою землю. В тот же день на линию огня вышли рыбаки на своих лодках, а местные железнодорожники отключили подвозить снаряды. Пушки безмолвствовали.

На выручку американским артиллеристам поспешили японские полицейские. Они разогнали крестьян, конвоировали грузовики со снарядами. Но крестьяне не отступали. На шоссе и на самую территорию полигона они вышли с семьями. Матери, жены, дети крестьян уселись на землю и ни за что не уходили со своего места. Грузовики могли проехать к полигону только по телам старух. Пушки на полигоне могли стрелять только по детям.

Сто восемь дней продолжалась это «кандяне восстание». На шоссе и полигоне ежедневно слышались песни, возникали стихийные митинги. Один из них хорошо запомнился женщинам. Деяностолетняя старуха с лицом дровника, как легенда, рассказывала на этом митинге о мифическом злодее-разбойнике Гомынка.

— А где он сейчас! — поинтересовались слушатели.

— Его место заняли японское правительство и американцы.

Женщина из толпы крикнула: — Они воры! Они украли нашу землю!

Слова другой женщины прозвучали, как боевая клятва уицнадских женщин:

— Пусть стреляют! Жизни не пожелав, но воров прогоним!

Уицнады в своей борьбе не остались одиночками. В дни каннику к ним из разных городов приехали студенты; они ухаживали за больными, присматривали за маленькими детьми, строили временные бараки для тех, кто сторожил шоссе. Полиция разорала эти бараки, но студенты вместе с крестьянами немедленно их восстанавливали.

В Уицнаду со всех концов страны летели вести о солидарности народа, о сборе средств для поддержки уицнадских крестьян.

На массовый митинг в ближайшую к Уицнаде городке Канадзава собралось 18 тысяч человек. Тут были представители всех слоев населения, много молодежи. Они потребовали удаления американских военных баз с японской земли.

Делегация крестьян, рыбаков, студентов, женщин отправилась в Токио, чтобы вручить свои требования депутатам парламента. Делегацию не хотели принимать, но и делегаты не хотели уходить. Они устроили «кандяне демонстрацию» у парламента. В конце концов представителей Уицнады выслушали. Выслушали, но не удовлетворили их просьбу. Ведь большинство депутатов парламента принадлежало к той же правящей либеральной партии, что и обманувший их Хаэяси.

Депутату Хаэяси вскоре пришлось помянуть о посулах, которые он давал крестьянам Уицнады. Как раз в это время он снова баллотировался в префектуре Уицнада. В пропагандистскую поездку

На демонстрацию вышли юноши и старши Уицнады.

правительство командировало одного из дипломатов. Он должен был рассказывать избирателям о правдивости, доброте и отзывчивости Хаэяси. Но дипломата не захотели ни слушать, ни видеть. Железнодорожники, проводив об этом неприятном пассажира, из-

В Уицнаде из кулацких элементов был создан «Союз деревенских патриотов» — организация фашистского типа. Вооруженные члены этого союза вместе с полицейскими угоняли безоружных крестьян и рыбаков с полигона и шоссе, терроризировали дерев-

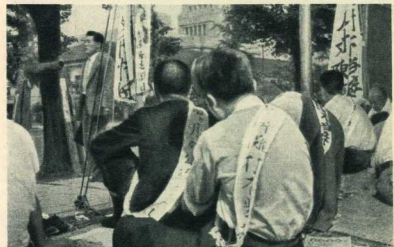
Молодежь города Канадзава собирает подписи под петиции солидарности с крестьянами Уицнады.

вещали жителей о его прибытии, а те, в свою очередь, выпроваживали пропагандиста из родных мест. На одной станции молодежь окружила вагон и не дала господину дипломату выйти из поезда. На другой — это было в Канадзава — господину дипломату удалось высидеть только при помощи народа американских войск. Но и в Канадзава миссия токийского посланца не была успешной. Толпа осадила дом старости, где оставался друг американцев.

Только после этого подкупленные деятели сельской управы отказались подписать решение о поддержке беспорядков правительства...

Но Уицнада сыграла свою роль. Она войдет в историю Японии как символ борьбы за национальную независимость, как знамя, возмущающее к новым боям за землю и труд, за мир и свободу.

В прошлом году в Японии широко развернулась борьба против американских и отечествен-

«Сндячая демонстрация» у здания парламента.

Неудачному пропагандисту пришлось убраться из города не поезде, а в специальном самолете, присланном из Токио. Хаэяси в те выборы перестал быть депутатом, а вскоре перестал быть министром. Это была еще одна победа Уицнады.

Непуганую смелостью и стойкостью крестьян Уицнады, правительство командировало в деревню восемьсот полицейских. Полицейские окружили полигон, арестовали многих передовых борцов и в первую очередь студентов. Но и полицейским не удалось сломить крестьян Уицнады. Тогда правительство прибегло к «чрезвычайным мерам».

ных военных баз. Не будет без в районе Асама, Мунбэцу и других. Не удалось американцам закрепиться на горе Фудзи. Эти победы достигнуты под знаменем для всей Японии знаменем, на котором начертано имя маленькой деревушки Уицнады. Под этим знаменем прошли антивоенные митинги в феврале. Под этим знаменем поднимается волна массовых протестов против нового американско-японского договора о ремилянтации страны, принятого в марте. Дух Уицнады жив в сердцах всех японцев и особенно молодежи, выступавшей против реакции, за мир, независимость и демократию.

ФУТБОЛЕ

На всех стадионах нашей страны идет напряженная борьба за золотые медали чемпионов страны по футболу. Впереди много игр. Почти полгода длится розыгрыш первенства страны. Двадцать четыре встречи предстоит провести каждой команде на пути к самому почетному титулу, которое второй год подряд хранится в клубе мастеров московского «Спартака». В клубе спортсменов «Динамо» на самом почетном месте стоит, по баскнижкам, хрустальными кубками, Кубок СССР. Этот почетный приз также будет разыгран нынешним летом.

В новом футбольном сезоне советские спортсмены проведут немало международных встреч. К нам в гости собираются приехать сильнейшие зарубежные команды. Приглашены шведские футбольные клубы из Швеции, Франции, Италии и знаменитый «Арсенал» из Лондона. Советские спортсмены сделают ответные визиты. Коротче говоря, болельщикам предстоит пережить много волнующих минут, слоров и, будем надеяться, радости.

Футбол в нашей стране — игра любимая народная. От зеленых газонов до стадионов Курда, от заполярного Мурманска до знойного Баку, где, кстати говоря, открыли футбольный сезон еще в начале марта.

Француженки дети приветствуют советскую команду.

додой Иван Ангелина Комарова, Николай Николаевич Новиков и Альберт Вранон, Григорий Басалава.

Вопрос в пути нас волновал вопрос: как покатит себя молодая команда на беговых дорожках в Париже? Короткие остановки в Барнае, Праге, Амстердаме, и вот голландский самолет, на котором мы летим, делает посадочный круг над сверкающим огнями ночным Парижем.

На аэродроме нас встретили работники советского посольства, новые французские друзья. Из их рассказов выясняется, что в нынешнем кроссе приняла участие самая сильная французская молодежь — девушки и юноши. Молодой боевой отряд стартов доблестно в кроссе «Юманите», в Германии Демократической Республики, Швейцарии. В числе главных претендентов на звание победителя — чемпион и рекордсмен мира Затопек. Впервые выступивший в кроссе «Юманите».

...Итак, мы снова в Париже. Отправляемся на равнину в Булонь-ля-Бич. Это, кстати, — излюбленное место парижской знати и буржуазии.

Знаюшая картинка по дорожкам перед нами: высокие лошади, сверкают свет утренней молнии молнии в экстравагантных костюмах, наряженные, развратные женщины. А неподалеку, ешь от жары и жары, в кроссе участвуют, проводящие здесь ночь. Польской, здоровенный мальчик в темной футболке, знаменщик, молодой француз с козырьком, угромо носится на бездомных. Красивую

тажи, хотя, что греха таить, эти ребята, забаву у многих любителей футбола, порядочную оскомину своим многолетним стандартом. Впрочем, то же самое можно сказать и о спонсорских кинематографических, деловых по шаблону: толпа алоющих по шаблону: толпа у стадиона, вереницы автомобилей, трибуны, выход судей, ружокожаты капитанов, забитые зрители, восторженные болельщики и так далее. И все-таки великий раз, когда демонстрируется футбольная хроника, у нас кинотеатров вырастают длинные очереди миллионов болельщиков зайти

Далеко вереница негде повисит в этом призрачном болоте. Плата за жилье очень высока, рабочий не в состоянии снять большую комнату. Но владелец дома такой лачуги может считать себя счастливым. В Париже тысячи бездомных, у которых нет своего угла. Они ночуют на самых грязных парках.

Зато американцы в Париже живут вольготнее. Несколькими сотнями домов заняты американскими гостями. И все же ни один считающийся, что не тесно: они требуют все новых и новых помещений, и французские власти, не стеснясь, выбрасывают французам из жилищ. Под американские учреждения заняты самые лучшие здания города.

Но сопротивление французского народа американскому засилью растет с каждым днем. Это чувствуется в антиамериканских высказываниях газет, в тех ненавидящих взглядах, которыми провожают парадные прокоходимых по улице американцев.

По дороге в Версаль мы увидели на стенах домов немало хорошо знакомых надписей: «Янки, убийтесь до смерти». Эти слова полноразмерные заступают, люди не стеснялись бесполое, все равно угроз нам вновь появятся на том же месте.

Американское влияние чувствуется во всех областях жизни Парижа. Украсы кинотеатров заняли фильмами, состриганные в Голливуде. С бесчисленными кричащими рекламными плакатами на прохонках направлены дула гангстерских пистолетов. Но французы не очень охотно идут смотреть кинокартинку

борьбу честную, открытую, мужественную и в то же время изобретательную, гибкую, волнующую внезапностью игровых эпизодов. К сожалению, такая игра стада на наших стадионах редкостью.

Советские футболисты в первые послевоенные годы добились значительных успехов на стадионах Англии, Швеции, Чехословакии, Норвегии, Болгарии. Но за последние годы класс наших ведущих команд потускнел, снизился, и только в прошлом сезоне уровень игры команд мастеров вновь начался. «Динамо» и «Спартак» вытеснили на арену «Торпедо» и «Локомотив».

Резиденция оказалась не только число участников, но и зрителей: восемьдесят тысяч парижан заполнили два трибуны иглоплощади. Те, которым не хватило места, сидели на крышах, забирался на деревья, с четырех тысяч французских школьников вышли в этот день на дистанции кросса.

Торжественное открытие праздника состоялось в середине дня. Представители «Юманите» Этьен Фанон приветствовал участников состязаний. После парада над Венсенскими лесами подняли знамя «Марсельезы» и гимна демократической молодежи.

На старте — легкоатлеты Франции, ДР, Швейцарии. В забеге кросса побеждает французине Рената Гарон, у мужчин первым приходит к финишу спортсмен Германской Демократической Республики Жаветинья. Французы и немцы горно поздравляют друг друга с победой, советские бегуны преподобили своим зарубежным друзьям цветы.

Не успев еще последний участник этого забеге пройти еще дистанцию, как в соревнование вступили два новые группы яншици. Вперед шла молодая советская спортсменка Ангелина Комарова, немка молодой советской спортсменки Ангелины Комаровой. Только за триста метров до финиша ее обогнала более опытная и крепкая современница Минна Откаленио, которая летела с лавровой веткой финишную черту. На несколько секунд позже заканчивает бег Ю-

очаровали болельщиков ярлом слабые игр. Во встречах «Спартак» — Румыния, «Динамо» — Чехословакия, «Динамо» — «Рад» наши командиры выступили гораздо ниже своих возможностей. И если в международных встречах отгрех были случаи случайных яншици, то в играх на первенстве страны и Кубок примеров являл, скудную, бесцельную игру была сколько угодно. Что стоило хотя бы фильм Кубок СССР, который, по меткому выражению одного из завсегдатаев северной трибуны, кубьяшев-бегуны, кубьяшев-бегуны и москвички Чемпион Франши Алан Мимун поднимает вверх стартовый пистолет и называет спусковой крючок. Легкоатлетическая Федерация Франции запретила ему выступать в этих соревнованиях. Желая выразить свою солидарность с участниками кросса, Мимун явля на себя обязанность стартера.

Бегуны срываются с места. Продаю четыре круга. Впереди вырывается красная майка Владимира Куча. Бежит трудно. На пути камешки, барьеры, заблужденные участники. После пяти километров лидером становится Затопек, но Куч идет вплотную за ним.

И вдруг — несчастье: проделывая прыжок, Куч подвернул ногу. Продолжал бежать, но его преимущество увеличилось. Зрители сразу почувствовали, что с советским спортсменом что-то неладно. Теперь уже ясно было, что Затопек вне конкуренции. Однако все сивилетные следил за Кучем, их волновало, сумеет ли он, несмотря на травму, закончить бег или же не выдержит и сойдет с дорожки.

Владимир Куча, место владельца незалежное испытание. Превозмост, сильнейшая боль, но упорно продолжал бег и закончил его третьим. Первое место занял Зинь Затопек, второе — молодой талантливый бегун Польши Ени Хромци. В первую десятку попали еще шесть представителей Советского Союза. Командный муниский прыжок, пятый, замечательный, также был завоеван нами.

Где бы ни встречались мы с трудностями в Париже: на Венсенском иглоплощади, на приеме в общинном доме, на стадионе в Булонь-ля-Бич, на квартирах, — всюду царил дух атмосфера взаимопонимания и дружбы. Мы, советские люди, с гордостью ощущали ту теплоту, с которой относятся к нам, посланцы Советской страны, простые люди Франции.

Если играть головой так, как эти футболисты, прыгнувшие неизвестно зачем, трудно рассчитывать на успех.

падение — лучшая защита» — следует помнить советским футболистам. Ведь успехи «Динамо» и «Спартака» основывались главным образом на результативности нападения.

Футбол — игра коллективная. Но это совсем не исключает заботу о повышении индивидуального мастерства каждого члена команды. Смелость и напористость центрального нападавшего, его умение сыграть и точно пробить по воротам, организовать игру всего нападения обеспечивают успех команде. А таких игроков, к сожалению, у нас очень мало даже в коллективах класса «А».

Нельзя забывать и о других линиях команды — защите и особенно полузащите. «Хорошие полузащитники — хорошая команда» — эта футбольная аксиома подтверждается в каждом состязании. При нашей атакующей тактике, весьма схожей по быстроте с тактикой «Сиднейской демонстрации», в тот же день на линию огня вышли рыбаки на своих лодках, а местные железнодорожники откармливали сварады. Пушки безмолвствовали.

На выручку американским артиллеристам поспешили японские полицейские. Они разогнали крестьян, конвоировали грузозвон со сварадами. Но крестьяне не отступали. На шоссе и на самую территорию полигона они вышли с семьями. Матери, жены, дети крестьян усаживались на землю и ни за что не уходили со своего места. Грузозвон могли проехать к полигону только по телам старух. Пушки на полигоне могли стрелять только по детям.

Сто восемь дней продолжалось это «сидячее восстание». На шоссе и полигоне ежедневно слышались песни, возникали стихийные митинги. Один из них хорошо запомнился женщинам. Девятилетняя старуха с лицом, деревом, лицом лагера, рассказывала на этом митинге о мифическом злодее-разбойнике Гоманхе.

— А где он сейчас? — поинтересовались слушатели.

— Его место заняли японские правительственные и американцы.

Женщина из толпы крикнула: — Они воры! Они украли нашу землю!

Слова другой женщины прозвучали как боевая клятва уиннадских женщин:

Именно они смогут поднять класс нашего футбола.

В связи с этим хочется поднять вопрос о юношеском футболе, который до сей поры развивается у нас явно недостаточно. Ведь именно в детских и юношеских командах заложено будущее нашего футбола! Но руководители спортивных обществ мало уделяют внимания командам молодежи.

Много футболистов есть среди студентов, но они лишены возможности заниматься этим видом спорта — в наших вузах почему-то процветают только ручные и настольные игры. Не удивительно, что в спортивных обществах колхозников. Если в сельских коллективах появились Игитальевы и Леготы атлетике и Кузнецовы на лыжах, то почему не могут выдвинуться одаренные спортсмены в футболе?

ию» у парламента. В конце концов представителя Уиннады выслушали. Выслушали, но не удовлетворили их просьбу. Ведь большинство депутатов парламента принадлежало к той же правящей, либеральной партии, что и обманувший их Хасяси.

Депутату Хасяси вскоре пришлось пожелать о посылке, которая он давал крестьянам Уиннады. Как раз в это время он снова баллотировался в префектуру Ичинка. В пропагандистскую поездку

На демонстрации вышли юности и старши Уиннады.

Как приятно увидеть уверенную игру вратаря! Такие броски болельщики, и социальное, видит очень редко.

И, наконец, хочется поговорить о технике футбольной игры, в частности, об игре головой, технике остановок и передач мяча, обманных движениях, обводки и особенно завершающего удара.

В прошлом году на самых ответственных матчах стадион не раз негодуяше гудел, когда опытные нападающие, почувтившие перед воротами противника, не могли сделать точного завершающего удара — мячи летели мимо ворот. А ведь на тренировках те же самые игроки демонстрировали безупречные удары. В чем же дело? Оказывается, на тренировках нападающему не мешал защитник противника, там игрок был, так сказать, в «тепличных условиях». А вот на поле, где развертывается суровая борьба за каждый мяч, у таких нападающих сразу же пропадала

сила и точность удара, появлялись сутулость, беспомощность, а иногда и грубость. Нашим футболистам нужна не просто высокая техника, а высокая техника на больших скоростях. Только тогда наши игроки будут в совершенстве владеть мячом, точно бить по воротам.

У наших спортсменов есть замечательные образцы спортивного мастерства: советские лыжники, конькобежцы, хоккеисты, шахматисты, волейболисты, штангисты, борцы — чемпионы мира. Вот с кого надо брать пример.

Будем надеяться, что к концу футбольного сезона наши команды придут с отягченными успехами, которых истериком ждут болельщики, ждут все советские люди.

Юр. ВАНЯТ

«Сидячая демонстрация» у здания парламента.

Неудачному пропагандисту пришлось убраться из города не поездом, а в специальном самолете, присланном из Токио. Хасяси в те выборы перестал быть депутатом, а вскоре перестал быть и министром. Это была еще одна победа Уиннады.

Нануяное смелостью и стойкостью крестьян Уиннады, правительство командировало в деревню восемьсот полицейских. Полицейские окружили полигон, арестовали многих передовых борцов а в первую очередь студентов. Но и полицейским не удалось сломить крестьян Уиннады. Тогда правительство прибегло к чрезвычайным мерам,

ных военных баз. Не будет баз в районе Асама, Мунбуэ и других. Не удалось американцам закрепиться на горе Фудзи. Эти победы достигнуты под общим для всей Японии знаменем, на котором начертано имя маленькой деревушки Уиннады. Под этим знаменем прошли антивоенные митинги в феврале. Под этим знаменем поднимались волны массовых протестов против нового американско-японского договора о репаратизации страны, принятого в марте. Дух Уиннады жив в сердцах всех японцев и особенно молодежи, выступающей против реакции, за мир, независимость и демократию.

КРОСС ДРУЖБЫ

В 1933 году по инициативе одного из старейших деятелей французской Коммунистической партии, марксиста Кашана был учрежден легкоатлетический кросс на призы газеты «Юманите».

Восьмь раз участвовала в кроссе советская команда и неизменно выходила победительницей.

В нынешнем году наша спортивная делегация была в составе делегации на этих крупнейших международных легкоатлетических соревнованиях, посвященных к 50-летию газеты «Юманите».

В составе советской команды, кроме «ветеранов» — Феодосия Ванина, Минифора Попова, Ивана Поленкина, Александра Ануркина, Валерия Соловьева и Нины Отгалеиной, много новичков. Нина Владимировна Куча, например, стало известным спортсменом других стран только в прошедшие годы. Впервые участвует в кроссе комсомольская делегация Нина Черошова, Людмила Лысенко, Дора Паракхана, мо-

ночь глаза он с любопытством поглядывает и на нас. Что и говорить, непривычно зрелище для буконого лица: привыкать спортсменом в синих тренировочных костюмах кроссовой сборной на груди...

...дин, предшествовавшие соревнованиям, да и после них мы знакомились с достопримечательностями города, его жизнью. Нам понравились контрасты парижской жизни, где роскошь аристократических домов чередуется с бедностью в глазах нищотой рабочих кварталов, в которых живут члены нашей спортивной делегации поехали в гости к рабочим завода Рено.

Захоронили в один из домов, — Извините? — грустно говорит рабочий, — но я вас не могу пригласить в свою квартиру! — Он показывает семиметровую комнату, в которой живут... десять человек его семьи.

Из она этой комнаты высовывается шею. Нам висит белая

Победительница кросса «Юманите» среди женщин Нина Отгалеиновна занимает дистанцию.

Нину Отгалеинову подражают чемпионки Фрэнцис Аллен Мимун и известнейший спортсмен Жюль Ладузет.

Французские дети приветствуют советскую команду.

лорой врач Ангелина Комарова, колхозница Николай Коновин и Альфред Иванов, Григорий Басалава.

Еще в пути нас волновал вопрос как помянет себя молодежь на беговых дорожках в Париже? Короткие остановки в Баршеле, Праге, Амстердаме, и вот голландский самолет, на котором мы летим, делает посадочный круг над сверкающими огнями ночным Парижем.

На аэродроме нас встретили работники советского посольства, наши французские друзья. Из их рассказов выясняется, что в нынешнем кроссе примут участие свыше семи тысяч французских юношей и девушек — неважно колхозники, рабочие или студенты. Кроме того на старт должны выйти легкоатлеты Чехословакии, Югославии, Венгрии, Германии, Германской Демократической Республики, Швейцарии. В числе главных претендентов на звание победителя — чемпион и рекордсмен мира Эмиль Затопен, впервые выступающий в кроссе «Юманите».

...Итак, мы снова в Париже. Отправилась на разминку в Булонский лес. Это, кстати, — излюбленное место приключений парижской знати и буржуазии.

Знаковая картина: по дорожкам леса выходят на пробежку женщины. А неподалеку, ежась от холода, сидят на скамейках безработные, проводящие здесь ночь. Полицейский, здоровенный малый в традиционной черной накидке, высокой фуражке с козырьком, угрожающе носится на бездомных. Краше-

нь, импортированные из-за океана. Зато зал интеллигент, в котором идет советский фильм «Броненосец Потемкин», всегда переполнен.

...Накануне кросса шел дождь. Но воскресенье выдалось ясное, солнечное. С самого раннего утра тысячи людей в метро, автобусах, такси, на велосипедных дорожках, на ипподроме Венсенского леса.

Рекордным оказался не только число участников, но и зрители: восемьдесят тысяч парижан заполнили два трибуны ипподрома. Те, которым не хватило места, сидели на крышах, забиралась на деревья.

В 9 часов утра начались забеги старичков — спортсменов старше сорокалетнего возраста. Их сменили юноши и девушки — свяжили четыре тысячи французских школьничков вышли в этот день на дистанцию кросса.

Торжественное открытие праздника состоялось в середине дня. Представитель «Юманите» Этьен Фанон приветствовал участников кросса. После парада над Венсенским лесом полпыли звуки «Марсельезы» и «Гимна демократической республики».

На старт — легкоатлеты Франции, ГДР, Швейцарии. В забеге женщины победительница француженка Рената Гарон, у мужчин первым приходит к финишу спортсмен Германской Демократической Республики Хаенштингер. Французы и немцы горячо поздравляют друг друга с победой, советские бегуны приветствуют своих зарубежных друзьями шепотом.

... Не успев еще последний участник этого забега пройти всю дистанцию, как в соревновании вступила новая группа женщин. Вперед сразу выходит советская спортсменка Ангелина Комарова, комсомолка, молодой врач одной из московских больниц. Только за двадцать метров до финиша ее обгоняет более опытная в кроссовых соревнованиях Нина Отгалеиновна, которая затем первым пересечет финишную черту. На несильно сконду позне заканчивает бег Ко-

марова. Третье место занимает победительница кросса «Юманите» 1932 года Людмила Солопова.

Вот на старте тридцать три сильнейших легкоатлета: начинается «забег асов», так называют его французы.

Чемпион Франции Аллен Мимун поднимает вверх стартовый пистолет и начинается спусковой крючок. Легкоатлетическая Федерация Франции запретила ему выступать в этих соревнованиях. Медля выразить свою солидарность с участниками кросса, Мимун взял на себя обязанность стартера.

Бегуны срываются с места. Пройдя четверть круга, Владимир вырывается красная майка Владимира Куча. Бежит трудно. На пути канала, барьеры, заболоченные участки. После пяти километров лидером становится Затопен, но Куча идет вплотную.

И вдруг — несчастье: преодолевая барьер, Куча подвернула ногу. Промет между ним и Затопеном резко увеличился. Зрители сразу почувствовали, что с советским спортсменом что-то неладит. Теперь ясно было, что Затопен вне конкуренции. Однако все с симпатией следили за Кучем, его волновало, закончит ли он несмотря на травму, закончит бег или же не выдержит и сойдет с дорожки.

Владимир Куча, второе — молодой и немолодой испытание. Превозмогая сильную боль, он упорно продолжал бег и закончил его третьим. Первое место занял Эмиль Затопен, второе — молодой талантливый бегун Польши Ежи Хоменек. В первую десятку попали еще шесть представителей Советского Союза. Имя юной мускулистой имени батышка Заемских также был завоеван нами.

Где бы ни встречались мы с трудностями в Париже, на Венсенском ипподроме, на приеме в обществе «Франция — СССР» на улицах, в квартирах, — всюду царил атмосфера взаимопонимания и дружбы. В первую очередь это с гордостью ощущали ту теплоту, с которой откликнулись на нас, посланцам Советской страны, простые люди Франции.

Нину Отгалеинову подражают чемпионки Фрэнцис Аллен Мимун и известнейший спортсмен Жюль Ладузет.

марова. Третье место занимает победительница кросса «Юманите» 1932 года Людмила Солопова. Вот на старте тридцать три сильнейших легкоатлета: начинается «забег асов», так называют его французы.

Чемпион Франции Аллен Мимун поднимает вверх стартовый пистолет и начинается спусковой крючок. Легкоатлетическая Федерация Франции запретила ему выступать в этих соревнованиях. Медля выразить свою солидарность с участниками кросса, Мимун взял на себя обязанность стартера.

Бегуны срываются с места. Пройдя четверть круга, Владимир вырывается красная майка Владимира Куча. Бежит трудно. На пути канала, барьеры, заболоченные участки. После пяти километров лидером становится Затопен, но Куча идет вплотную.

И вдруг — несчастье: преодолевая барьер, Куча подвернула ногу. Промет между ним и Затопеном резко увеличился. Зрители сразу почувствовали, что с советским спортсменом что-то неладит. Теперь ясно было, что Затопен вне конкуренции. Однако все с симпатией следили за Кучем, его волновало, закончит ли он несмотря на травму, закончит бег или же не выдержит и сойдет с дорожки.

Владимир Куча, второе — молодой и немолодой испытание. Превозмогая сильную боль, он упорно продолжал бег и закончил его третьим. Первое место занял Эмиль Затопен, второе — молодой талантливый бегун Польши Ежи Хоменек. В первую десятку попали еще шесть представителей Советского Союза. Имя юной мускулистой имени батышка Заемских также был завоеван нами.

Где бы ни встречались мы с трудностями в Париже, на Венсенском ипподроме, на приеме в обществе «Франция — СССР» на улицах, в квартирах, — всюду царил атмосфера взаимопонимания и дружбы. В первую очередь это с гордостью ощущали ту теплоту, с которой откликнулись на нас, посланцам Советской страны, простые люди Франции.

Редкая рыба

В декабре 1952 года туземец острова Ансан поймал в Индийском океане неизвестную рыбу и принес ее на борт. Один из капитанов опознал в ней чрезвычайно редкой вид рыб, размышляемый учеными — она попала в музей.

Эта рыба оказалась вторым экземпляром рыбы, относящейся к группе истерпых, которые были известны до недавнего времени только по ископаемым остаткам и считались вымершими к концу мелового периода.

Перый экземпляр такой рыбы был пойман 15 лет назад у берегов Южной Африки. Длина его достигала 1,5 метра. Рыба имела необычные передние плавники в виде кисти.

Южноафриканский икhtiолог Симс, впервые сообщивший об

этой рыбе, предпринял дальнейшие поиски в районах Мозамбикского пролива и острова Мадагаскар, считая эти места наиболее подходящими для обитания истерпых рыб. Тысячи листовок с описанием рыбы и ее фотографии были распространены среди населения поберья западной части Индийского океана. Но только через 15 лет случайно был обнаружен второй экземпляр этой уникальной рыбы.

Никакой второго экземпляра дает основание полагать, что местообитание истерпых рыб найдено.

Советский академик Л. С. Берг высказал находку истерпых рыб бы как «самое удивительное открытие, ранее было сделано во всей истории исследования современных рыб».

В. А.

«Сказочный грот»

Многие изумляет человека из Северного полушария в Новой Зеландии. В декабре в январе здесь лето, а зима — когда у нас зима заканчивается. Солнце светит с севера, а не с юга, и климат страны холоднее, чем северная.

Очень интересны в этой стране известные пещеры «Вайтомо». Существование под землей через украшения пещерными статуэтками залы и коридоры, вы попадаете в так называемый «Сказочный грот».

У озера река, протекающей по дну пещеры, стоит лодка. Проводник, пользуясь проводником, проползает вдоль стены пещеры, медленно продвигает лодку вперед. Когда неожиданно за каким-то изгибом реки, над вами раскрывается свод, освещенный миллионами разноцветных гребешков мерцающих «звезд». Это похоже на миниатюрный Млечный Путь. Испещрился, переливающийся всеми цветами, тонкие нити равной длины, как подвески на ажурных люстрах.

слупаются от «звезд» к воде, увеличивая своим блеском освещение пещеры.

Но откуда же берется этот таинственный свет?

Только в Новой Зеландии встречается небольшая рыба с темными крапинками — Атафлоросага ламповая. Она лишь изредка выходит из воды. Эта рыба притягивает свои личинки к сырью стенам известковых пещер. Из личинок выходят личинки, червячки длиной до двух сантиметров. Кожишка часть их тела испускает свет. Вот откуда в пещере «звезды». Величина их — с десятикопеечную монетку.

Личинки живут в наполненных водорослью серебрястых коконах, прикрепленных к стенам пещеры. Каждый личинка выводится от 15 до 20 крошечных светящихся ивтерпых личинок, достигших беспрепятственно светящегося к свету. Прикрепленные блеском этих ивтерпых, коконы и можно светит на свет и прилипает к ним. Поочередно колебание ивтерпых личинка начинает заплясывать их и покидает оболочку.

Когда личинка превращается в личинку, она протыгивает все выпущенные ею ивтерпых, кроме одной, на которой она закрепилась. Личинка тоже светится, но несколько дней из нее выходит муха.

Увидеть их с чем несравнимо трудно. Только соблюдая полную тишину. При малейшем движении личинки «гнутся» свои «огни».

Н. СУШКИНА,

доктор биологических наук.

Составил
В. Лазарев

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫЕ В № 6

- По горизонтали:
1. Таина. 4. Кросс.
 9. «Детство». 10. Сайфер.
 12. Гранвор. 15. Распутин.
 17. Оборот. 18. Касатин.
 19. Лисис. 20. Давид.
 23. Консервативы.
 25. Александр. 26. Павлин.
 29. Австра. 30. «Ураган».
 32. Ашчит. 34. Дорж.
 35. Лавров. 36. Гобелен.
 39. Дайбо. 40. Каюта.
- По вертикали:
2. Аренда. 3. Наст.
 5. Рейс. 6. Свардо.
 7. Кварль. 8. Анриод.
 11. Писис. 13. Владивосток.
 14. Колье. 16. Синопорода.
 18. Ботаници.
 19. Корсена. 20. Каролин.
 24. Кварц. 25. Ровно.
 27. Агубуч. 28. Инвафор.
 31. Газета. 33. Цемент.
 35. Ромб. 36. Сена.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫЕ В № 7

- По горизонтали:
1. Абхазия. 3. Ялта.
 5. Солдат. 4. Останд.
 6. Морс. 6. Урания.
 8. Сельдь. 10. Иеросалим.
 11. Рампа. 17. Овен.
 19. Иран. 21. Сербия.
 22. Чирингов. 23. Пирогов.
 24. «Лаванья». 25. Глирз.
 26. Чирингов. 28. Объявление.
 30. Абрис. 29. Анды.
 35. Протис. 38. Остов.
 37. Агубуч. 28. Инвафор.
 40. Амьор. 41. Рапиря.
 45. Нога. 47. Осло.

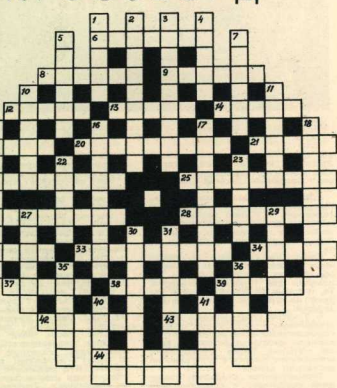
- По вертикали:
2. Талейтис. 6. Попова.
 9. Семиняр. 12. Талант.
 13. Дреман. 14. Идея.
 15. Рыба. 16. Митро.
 18. Тирпана. 20. «Израиль».
 21. Семья. 23. Платон.
 25. Глина. 27. Алюминий.
 28. Ермолова. 31. Ребус.
 33. Чина. 35. Вентс.
 38. Отметка. 39. Трасса.
 41. Рыльце. 42. Бетт.
 43. Кама. 44. «Огнем».
 46. «Шпнер». 48. Варяра.
 49. Морггя.
 50. Врлольот.

Редакторы: В. Ажаев, Г. Гуля, Е. Дюпатовский, Б. Егоров, Н. Жуков, О. Кокумова, М. Лукин.

Подписано к печати 22/IV 1954 г. За № 995.

1,75 бум. л. — 48 печ. л.

КРОССВОРД

По вертикали:

1. Дерво с вершинами длинными.
2. Грамматическая часть речи.
3. Город на Дальнем Востоке.
4. Документ с подробными сведениями.
5. Растение. 31. Совокупность наук, изучающих историю, язык и литературу Китая.
6. Растение с длинными листьями небесного цвета.
7. Шерстяная ткань.
8. Курорт на берегу Черного моря.
9. Искусство изображения драматических произведений на сцене.

древнегреческой мифологии. 27. Одна из способов охоты. 29. Документ с подробными сведениями. 30. Растение. 31. Совокупность наук, изучающих историю, язык и литературу Китая. 35. Ткань извивающая небесного цвета. 36. Шерстяная ткань. 40. Курорт на берегу Черного моря. 41. Искусство изображения драматических произведений на сцене.

По горизонтали:

6. Дерво, растущее в пустыне. 8. Украинский изобретатель. 9. Боснийская жидкость, получаемая су-

Главный редактор — М. А. Величко.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24.

Тел. Д-3-34-24.

А 00660.

Формат бумаги 70 x 106/16.

Тираж 120 000 экз.

Изд. № 342.

Итогография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Итогография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

В номере:

Василий Федоров — Ленинский подарок.
М. Величко — Памятник в Эгслевне.

Ююас Маяцвнчюс — Ленинский сувенир.

М. Буранов — Лизинговое гедю.

«Я не могу не бьят там, где сражаются за свободу». К 130-летию со дня смерти Байрона.

Иван Майжара — Сороса-испрантца. Васни.

Винтор Крючюм — Черноочина.

Весна пришла. Фотоочерк.

Надежда Усова — Ее письма Раселана.

Иржи Марек — Как бухгалтер нашел свое счастье.

Винтор Горохов — Ущинца.

Юр. Ваньят — Поговорки о футболе.

Л. Хоменков — Кросс дружиы.

На первой странице обложки: «В. И. Ленин среди делегатов III съезда РСФСР».

С картины П. Велюсова.

На четвертой странице обложки: Весна в Подмосковье. Эюд В. Гапошнина.

Формирование номера
В. Урния.
Технический редактор
А. Ефимова.

Весенние работы в саду совхоза имени В. И. Ленина, Московской области.

Фото В. Еллинской.

Цена номера
2 руб.

